

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ОСЕНЬ В СОКОЛЬНИКАХ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Кафтанов

Эдуард Хруцкий
Осень в Сокольниках

«СОЮЗ»

1984

Хруцкий Э. А.

Осень в Сокольниках / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1984 — (Кафтанов)

ISBN 978-5-6040168-6-5

1983 год. Москва. В Зачатьевском переулке ограблен реставрируемый особняк. Стоимость пропавших вещей впечатлила даже опытных оперативников. Но самое главное – умер сторож, выпивший бутылку водки, в которой было снотворное. Судя по всему, работали ушлые рецидивисты. Расследование поручается одному из самых опытных сотрудников МУРа – подполковнику милиции Вадиму Николаевичу Орлову. Вскоре ему удастся напасть на след предполагаемого преступника, но похитители основных ценностей пока так и не найдены.

ISBN 978-5-6040168-6-5

© Хруцкий Э. А., 1984
© СОЮЗ, 1984

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эдуард Хруцкий

Осень в Сокольниках

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Пролог

Ветер тащил по мостовой охапки перепрелой листвы и обрывки декретов. Он пах тиной и сыростью, этот ветер, налетающий с Москвы-реки.

Осеннее солнце сделало Зачатьевский переулок нарядным. Даже старые стены монастыря словно помолодели.

Переулок был пуст и грустен. Давно не крашенные деревянные дома стали похожи на выношенные, но еще щеголеватые фраки.

Ударил колокол на храме Христа Спасителя. Голос его протяжный грустно пролетел над крышами, почти обнаженными кронами деревьев и затерялся где-то в хитром переплетении дворов, арок, горбатых переулков.

И снова тишина, только ветер, как наждачная бумага, трет по мостовой.

Сначала раздался треск. Потом длинные, словно пулеметные очереди, выхлопы. А потом в тихий Зачатьевский ворвалась неведомая жителям доселе машина. Похожа она была на велосипед, к которому прицепили коляску в виде небольшой лодки.

Но все же это был не велосипед, потому как затянутый в кожу и смахивающий на памятник водитель никаких педалей не крутил, и, судя по дыму, вылетавшему из выхлопной трубы, и запаху, прибор этот двигался при помощи спиртовой смеси, в это тяжелое время заменявшей бензин.

В лодке-коляске сидел мрачный матрос, смотрящий перед собой таинственно и грозно.

Аппарат остановился у ворот особняка, принадлежавшего когда-то генерал-адъютанту свиты его императорского величества Андрею Павловичу Сухотину.

Матрос вылез из коляски и толкнул поржавевшую чугунную решетку ворот. Они поддались с трудом, надсадно скрипя петлями, давно забытыми о смазке.

Двор был пуст и зарос пожухлой уже травой. Дождь и снег сделали свое дело, но все равно дом выглядел нарядно и щеголегато.

Осеннее солнце переливалось в грязных витринах окон, и казалось, что дом вспыхивает синим, рубиновым, зеленым пламенем.

– Да, – сказал кожаный водитель, – жили люди.

– Эксплуататоры, – поправил его матрос.

– Пусть так, но все равно жили.

– Зови дворника. – Матрос гулко ударил кулаком в заколоченную досками дверь.

Дворник появился минут через десять. Он был мужик сообразительный и сразу же пришел с ломом.

Матрос сидел на ступеньках, дымя самокруткой.

Дворник повел носом:

– Моршанская, товарищ флотский?

– Она, борода. Вот ордер, вот мандат. – Матрос достал документы.

– Нам это ни к чему, – махнул рукой дворник, – совсем ни к чему, раз надо, то надо.

– Нет, борода, ты посмотри. – Матрос поднес к лицу дворника бумажки с фиолетовыми печатями. – Кто здесь раньше проживал?

– Его высокопревосходительство генерал-адъютант свиты его императорского величества Андрей Павлович Сухотин.

– Теперь здесь будет расположен революционный всевобуч района. А начальник всевобуча я – Павел Фомин.

– Оно конечно, – дворник согласно закивал головой, – вам виднее.

Мудреное слово «всевобуч» никак не могло уместиться в его сознании рядом с пышными титулами Сухотина.

– Открывай, – приказал Фомин.

Дворник подсунил лом, заскрипели проржавевшие гвозди. Фомин отогнул доски, дверь открылась.

В вестибюле пахло запустением. Сыростью пахло, пылью и еще чем-то, только чем, Фомин определить не смог. Он кашлянул, и звук многократно повторился. Фомин усмехнулся, довольный, и крикнул кожаному водителю:

– Заходи, Сергеев! Смотри, как они до нас жили. Эй, борода, а мебель-то где?

– Та, что не пожгли, – в сарае.

– А кто жег?

– А кому не лень. Пришли двое с ордером, забрали столовую, порубили. Потом еще приходили.

– Понятно. Я тут осмотрюсь, а ты, Сергеев, езжай за завхозом нашим да художника не забудь привезти, чтобы сразу нашу вывеску нарисовал.

Фомин шел по второму этажу особняка. Анфилада комнат казалась бесконечной, огромные зеркала в залах были темны и прозрачны, как лесные озера. Он подошел к одному из них, потрогал бронзовые завитушки рамы, хмыкнул с недоумением.

Мальчишкой попавший во флот и привыкший к строгому аскетизму военных кораблей, к их однообразному, хищному изяществу, не мог принять ни резного паркета, ни этих рам, ни витражей, на которых переплетались замки и рыцари. И весь этот дом, в котором когда-то люди жили непонятной ему и чужой жизнью, был для Фомина как офицерская кают-компания, в двери которой выплеснулась в Октябре веками спрессованная матросская ненависть.

Дом этот раздражал его, но вместе с тем в глубине души матрос Фомин понимал, что и лепнина, и витражи, и узорчатый паркет сделаны руками умелых мастеров, таких же, как он, простых парней, и сработано это на совесть. А труд человеческий Фомин уважал всегда.

Завхоз и художник нашли Фомина в бывшей гостиной генерала Сухотина. Начальник районного всеобуча сидел в чудом уцелевшем кокетливом кресле.

Он встал, и тонкие ножки кресла натужно заскрипели.

– Мебель у них, конечно, слабоватая, неподходящая.

– Восемнадцатый век, – мрачно изрек художник, – руками крепостных мастеров сделана.

– Оно и видно, – сказал Фомин, – что крепостные делали, не в радость, как не для себя.

Он внимательно оглядел художника. Тот был с гривой, в зеленой вельветовой толстовке, с красным бантом-галстуком, в холщовых штанах, измазанных краской.

– Ты, товарищ, значит, художник?

Парень утвердительно мотнул гривой.

– А документ у тебя есть?

Презрительно усмехнувшись, парень полез в карман толстовки и протянул Фомину замызганный кусок картона.

Фомин развернул удостоверение, внимательно прочитал его.

– А что это, товарищ, за ВХУТЕМАС?

Художник посмотрел на матроса, как на пришельца с другой планеты. Он никак не мог представить, что есть человек, незнакомый с этой аббревиатурой.

– Если коротко, то штаб революционного искусства.

– Вот это нам и надо, дорогой товарищ, как тебя?..

– Огневой.

– Фамилия такая?

– Нет. Революционный псевдоним.

– Пусть так, пусть так. Ты, дорогой товарищ Огневой, я сразу понял, человек нам во как нужный. – Фомин провел ребром ладони по горлу. – Смотри.

Фомин подошел к высоким стрельчатым окнам и с треском распахнул одно, потом второе. Посыпалась на пол засохшая замазка, вместе со светом в комнату ворвался ветер.

И она сразу стала другой, эта комната. Заиграли на стенах пыльные медальоны, тускло заискрилась побитая позолота стен, словно ожили голубовато-розовые фарфоровые украшения камина.

Фомин подошел к камину, внимательно посмотрел на покрытые пылью сюртуки тугошеких кавалеров, обнимающих дам в кринолинах.

– Барская забава. Правда, когда я ходил в двенадцатом году на крейсере «Алмаз» в Китай, мы в Сингапуре такие украшения в натуральном виде наблюдали...

– Подражание Ватто, – мрачно сказал художник, – работа французская, середина восемнадцатого века.

Фомин постучал пальцем по шляпе кавалера:

– Ломать жалко. Ты сделай кожух для них и накрой. А на кожух звезды красноармейские приделай. А что с этим делать?

Фомин шагнул к стене. Шесть медальонов смотрели на него, словно шесть глаз. Он подошел ближе, обтер один ладонью. Свет, падающий из-за его спины, немедленно отразился в голубовато-зеленом овале, и он ожил.

И улица Москвы наполнилась теплым живым цветом.

Медальон стал похож на окно, за которым жили маленькие дома, маковки церквей и спешили люди по своим, неведомым Фомину делам.

– Ишь ты, – сказал начальник районного всеобуча, вынул платок и аккуратно вытер медальон.

– Примитивизм, – сказал за его спиной Огневой, – середина восемнадцатого века. Видимо, работа крепостного художника.

– Пережиток, значит? – неуверенно спросил Фомин.

– Именно. Революционное искусство зачеркнуло этот период. Мы не признаем обветшавшей мази.

– Выламывать будем, товарищ Фомин? – деловито спросил завхоз.

Фомин посмотрел еще раз на домики и маковки, на кусок этой неведомой ему жизни и ответил тихо:

– Жалко.

– А чего жалеть, – Огневой набил махоркой трубку, – мы ведь мир старый разрушаем. На месте этих лачуг вырастут светлые дома из стекла и бетона. Новая жизнь возможна только при полном разрушении старой.

– Все равно жалко. Сделано уж больно душевно. Вот что, товарищ Огневой, ты эти картинки старого мира закрась и изобрази на них революционные корабли.

– Какие?

– «Потемкин», к примеру, «Аврору», «Петропавловск», «Новик». Я тебе фотографии дам. А ты, товарищ завхоз, стекла эти с воинами старыми вынь, но сложи их аккуратно и вставь нормальные стекла, чтоб свет был и чистота как на эсминце. Понял?

– Понял.

– Так и начнем.

Фомин подошел к окну. Осеннее солнце висело над городом. Где-то, надсадно треща, прогрохотал трамвай.

Крикнул и замолк гудок фабрички, спугнувший ворон, и они, надсадно каркая, черной тучей пронесли над переулком. Во дворе щемяще и нежно заиграла гармошка. Шел второй год советской власти.

Часть первая

«Уж рельсы кончились, а станции все нет...»

Что точно, то точно. Ни рельсов здесь, ни станции.

Земля была плоской, наглядно опровергая учение о шарообразности планеты. Орлову показалось даже, что там, где небо ложится на землю, он видит грязные подошвы монаха, высушившего голову за хрустальный свод.

Маленький домик аэропорта плотно обступила степная трава, и ветер, приходящий сюда, пах дурманяще и незнакомо.

Орлов прожил сорок пять лет, но никогда еще ему не приходилось бывать вот в таком царстве запахов. Степь пахла мятой, еще чем-то пронзительно сладким, а налетавший ветер оставлял на губах горьковатый привкус лекарства.

Машины не было. Но он не хотел звонить, немного ошеломленный однообразной красотой степи.

Но все же машина была нужна, и Орлов медленно пошел к домику, на котором красовалась выцветшая надпись: «Аэропорт Козы».

В тени на лавочке сидели, прислонившись спиной к выцветшим бревнам дома, двое. Они были удивительно похожи. Кепки, глубоко надвинутые на лоб, синие ватники, хлопчатобумажные брюки и тяжелые кирзовые ботинки. Они выжидающе смотрели на Орлова, и в их лениво-спокойных позах сквозила еще неосознанная опасность.

Эти двое совсем не монтировались с ярким кипением степи, с «чеховским» бревенчатым домиком аэропорта, с тишиной и покоем июньского утра.

Но вместе с тем эти двое словно претворяли тот мир, куда должен через час попасть он, подполковник милиции Вадим Николаевич Орлов.

Из домика вышел парень. В потертой кожаной летной куртке, под которой на серовато-грязной майке влюбленно смотрели друг на друга напечатанные трафаретом Михаил Боярский и Алла Пугачева.

Парень был тощий, ломкий какой-то. Гэвээфовские брюки непомерно широки, а форменная фуражка затейливо замята. Он поправил фуражку так, чтобы Орлов заметил массивный белый перстень и грубую цепочку браслета.

«Тип чеховского телеграфиста, с поправкой на НТР», – подумал Орлов.

– Издалека? – спросил парень.

– Издалека.

– Из Алма-Аты?

– Дальше.

– Питерский?

– Из Москвы.

– Ну, как там?

– Что как?

– Вообще.

– Приехала делегация Ливана.

– Я не о том, – снисходительно процедил парень, – как время провести у вас можно? По линии культуры? – Он повел в воздухе рукой.

– Можно, – Орлов усмехнулся, – у нас при каждом ЖЭКе народный университет культуры.

Парень обалдело посмотрел на Орлова.

Краем глаза Вадим заметил, как один из сидящих поднялся и лениво, вразвалку подошел к ним.

Он долго, изучающе рассматривал Орлова, потом усмехнулся, сверкнув белыми металлическими фиксами.

– Начальник, – хрипло попросил он, – дай закурить.

Вадим достал пачку, и человек огромными, сплюснутыми от тяжелой работы пальцами неловко потащил сигарету.

– А если с запасом?

– Бери всю пачку, у меня еще есть.

– Дай тебе Бог, начальник.

– А почему начальник? – усмехнулся Вадим.

– А я вас, которые из розыска, рисую сразу. Держитесь вы больно уверенно.

– Любопытно.

– Вот подумай на досуге. Как хозяева везде держитесь, потому как везде верх ваш.

– Давно освободился?

– Сегодня.

– Самолет ждешь?

– В цвет.

– Домой?

– Знаешь, у меня их сколько, начальник. За восемь лет заочницами обзавелся.

– Ну-ну.

– А вон и машина за тобой пылит. От нашего хозяина. Так что спасибо. Бывай, начальник.

Он повернулся и зашагал к товарищу.

Зеленый уазик лихо развернулся рядом с Вадимом. Из кабины выскочил молодой лейтенант в выгоревшей полевой форме.

– Товарищ Орлов?

Вадим вытащил удостоверение. Лейтенант взглянул на раскрытую книжечку стремительно и цепко.

– Лейтенант Рево, товарищ подполковник. Прошу.

Уазик рванулся с места, уходя к горизонту. Один из сидящих на лавочке выплюнул окурок, посмотрел вслед машине и сказал вразяжку:

– Ишь ты, подполковник.

Теперь степь была другой. Она словно на широком экране легла в лобовом стекле машины и казалась нескончаемо длинной. Словно весь мир сегодня состоит именно из этой необычайно гладкой степи.

В однообразии ее была какая-то щемлящая, неуловимая красота. То же самое Вадим чувствовал, когда впервые увидел море в Прибалтике. День был пасмурный, облака так низко висели над морем, что казалось, волны слизывают их и несут серой пеной к берегу. И все-таки море было прекрасным именно в своем суровом однообразии.

Родившийся и выросший в Москве, Орлов открывал для себя мир постепенно, и каждая новая встреча была для него праздником.

Лейтенант, видимо, понял состояние гостя.

– Нравится, товарищ подполковник?

– Очень.

– Места у нас хорошие. Зимой, конечно, грустновато, но зато летом красота. Учреждение наше удачно расположено – лес, степь, горы, два озера рядом. Зимой охота богатая. Вы бы тогда приезжали.

– Куда ни приедешь, – Вадим засмеялся, – все говорят, что не ко времени. Зимой приедешь – советуют летом заглянуть, а летом – зимой.

– Это точно, – Рево повернулся на секунду к Орлову, – вы это точно подметили. Но ведь от души люди предлагают, хотят гостя лучше принять.

«Гостя, – подумал Вадим, – гостя. В гробу бы я видел таких гостей из столицы. От них головная боль да беспокойство одно».

Нет, не в гости сюда приехал начальник отдела МУРа подполковник Орлов, совсем не в гости. Дело заставило его среди ночи подняться, связаться с дежурным Управления милиции на воздушном транспорте и первым же рейсом вылететь в Казахстан.

Дело. Важное дело. Очень важное.

Суть дела

Небо было похоже на картинку на пачке от сигарет.

Такое же пронзительно-синее, и летел по нему неестественно серебряный самолет. Вторая половина августа радовала безветрием, теплотой. Над дачным поселком висела прозрачная тишина, нарушаемая печальным криком электрички.

С балкона второго этажа была видна пустая улица, прозванная кем-то «аллеей классиков», косой срез крыши и застекленная веранда соседней дачи. Пахло елью и самоварным дымом. Это значит, что сестра опять ждет к шести часам гостей «на самовар». Вадим перегнулся через перильца балкона и увидел Славу, своего шурина, раздувавшего самовар при помощи старого сапога.

Вадим посмотрел на часы. Четыре. Пора собираться.

Он вошел в маленькую недостроенную комнату, потолком которой служили скаты крыши, а одной стены просто не было, ее заменяла яркая циновка, на ней летел куда-то по своим делам свирепый многоголовый дракон.

Вечерами, когда Вадим зажигал старенькую лампу под зеленым колпаком, глаза у дракона начинали светиться сумасшедшим огнем, а все шесть голов смотрели хитровато и яростно. Но в общем-то в остальном они жили дружно. Вадим именовал дракона Федором Федоровичем, приходя, здоровался с ним, а уходя, прощался. При дневном свете Федор Федорович становился поникшим, грустным и совсем не страшным.

Вадим присел в старое плетеное кресло-качалку, взял сигарету, чиркнул зажигалкой. Уезжать не хотелось. Он редко приезжал сюда, в Переделкино, на дачу к сестре. Во-первых, почти никогда не было времени, а во-вторых, он боялся кипучей энергии Аллы, которая основной своей задачей считала его немедленную женитьбу. После смерти матери они разменяли большую родительскую квартиру. Меняли долго. Вернее, меняла Алла. Наконец в результате невероятного, так называемого тройного обмена Алла со Славой и дочерью Нинкой получили шикарную трехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной, а ему досталась восемнадцатиметровая комната в коммуналке в Столешниковом переулке.

Но Вадим был несказанно рад и этому. Ему до чертиков надоели какие-то таинственные старички, по-мышьиному шастающие по квартире, громогласная Дина Семеновна, курившая «Казбек» и гремящая монистами. Все они беспрерывно звонили, приходили, пили чай, обедали, громко, до хрипоты, обсуждая возможные варианты обмена.

Каждое утро перед его уходом на работу сестра все собиралась и никак не могла начать с ним разговор. Вадим догадывался, о чем она хочет поговорить. Ему было заранее неловко за сестру, и он, наскоро выпив чай с бутербродом, выскакивал на улицу.

Алла сильно изменилась за те годы, пока он служил в армии. А потом, после смерти матери, они вообще не могли найти общего языка.

Теперь в доме распоряжалась она. Каждый четверг собирались гости. В их кругу так и называлось: «Аллочины четверги». Приходили ее и Славины бывшие соученики по Институту кинематографии, писатели, актеры, какие-то важные седые мужики, дорого одетые, с

плавными, барскими манерами. Вадима не приглашали, даже если он бывал дома. Впрочем, он и не рвался приобщаться к современному искусству, он работал тогда оперуполномоченным в отделении, находился в «развеселом чине» младшего лейтенанта милиции, и его служба и общественное положение явно диссонировали с Аллочкиными представлениями о светскости.

Поздно вечером, когда он, чуть не падая от усталости, жевал на кухне котлеты, появлялись под благовидным предлогом Аллочкины подруги и рассматривали его с видимым интересом.

– Знакомьтесь, – с нотками иронического трагизма в голосе говорила сестра, – это и есть мой младшенький, Вадим, весьма непутевый молодой человек.

Он вставал и кивал, жал чьи-то руки.

Однажды они брали двух рецидивистов из Батуми, он заскочил домой переодеть рубашку. Забыв, что под мышкой у него кобура, из которой торчала рукоятка ТТ, скинув пиджак, пил кефир на кухне.

Сначала заглянула Маша, учившаяся с Аллой на одном курсе. Очкастая Маша, верный Аллочкин адъютант.

Она остолбенело поглядела на Вадима и захлопнула дверь.

Потом началось паломничество. С грязными чашками вбежали две дамы, имен которых Вадим не помнил. Они были одинаково высокомерно красивы. Мазнув по нему глазами, они скрылись, и наступила очередь мужчин.

В кухню вошел гость «в генеральском чине» Олег Сергеевич. Он был сценарист, лауреат, член худсоветов и бесчисленных редколлегий.

Олег Сергеевич по-хозяйски вошел на кухню и сел напротив Вадима.

– Ну-с, – многозначительно изрек он.

Вадим с недоумением посмотрел на него.

– Что хорошего? – Олег Сергеевич раскурил погасшую трубку.

– То есть? – удивился Вадим.

– Я хочу услышать о вашей жизни: о погонях, перестрелках, схватках.

Вадим поставил на стол чашку, потянулся к пиджаку.

– Перестрелок нет, – ответил он зло, – а вот погони были. Вчера ловил хулигана во дворе.

– Шутка? – высокомерно спросил Олег Сергеевич.

– Жизнь, – Вадим надел пиджак, – а что касается перестрелок, так вам лучше узнать об этом в МУРе, я же работаю в отделении. В обычном номерном отделении милиции. Знаете, как когда-то в армии были номерные захолустные полки и гвардия, так вот наша гвардия – МУР.

Потом сестра, придя к нему в комнату, долго и витиевато выговаривала ему, укоряла и стыдила. А он, уставший, не спавший почти целую ночь, смотрел на нее и думал: «Когда же ты уйдешь?»

Но вместо этого он сказал ей:

– Давай меняться, я согласен на любую площадь.

Алла о чем-то радостно говорила, но он уже не слышал ее. Он спал.

Через месяц Вадим переехал в коммуналку в Столешников. Аллу он видел редко. В дни рождения, годовщину смерти родителей. Отношения наладились позже, когда он был уже начальником отдела и получил звание подполковника.

Работать в милиции стало модно. Тем более в МУРе.

О них писали книги, ежегодно на экраны выходили фильмы об уголовном розыске. Теле-сериал о «Знатоках» стал любимым зрелищем миллионов людей.

Теперь уже Алла говорила:

– Мой брат подполковник, служит в угрозыске, у него два ордена.

Она и ее друзья по сей день думали, что работа в милиции состоит только из погонь и перестрелок. Думали и писали об этом.

...Уезжать не хотелось. Но все-таки надо одеваться и шагать через весь поселок к станции Мичуринец на электричку, которая печально-протяжно кричала над лесом.

Вадим спустился на первый этаж и увидел Нинку, забравшуюся с ногами на диван. В руках ее глянец отливала обложка очередного французского детектива.

– Ты уезжаешь? – Племянница оценивающе посмотрела на него.

– Да, малыш, мне пора.

– Значит, опять сорвется твое сватовство.

– Вот как?

– Вот так. – Племянница потянулась на диване.

Глазастая, тоненькая, длинноногая, она, пожалуй, единственная из всей семьи была искренне привязана к нему.

– Как твои дела, малыш? Что в институте?

– Никак пока. Колыбель знаний на картошке, а меня освободили после гриппа.

– А что они там делают? – искренне удивился Вадим.

В прошлом году он заезжал на день рождения Нины и видел большинство ее сокурсников – тоненьких, хрупких девочек и длинноволосых молодых людей, мало похожих на мужчин, способных поднять мешок картошки.

– Работают, дядька, работают. Соприкасаются с жизнью. Наш мастер говорит, что будущему актеру просто необходимо соприкоснуться с жизнью.

– Ваш мастер, девочка, большой теоретик.

– Ты его плохо знаешь.

– Возможно. Но я твердо знаю одно, что студенты должны учиться, рабочие работать, а колхозники убирать картошку.

– А милиционеры? Хватать и не пущать?

– А это уж как придется. Мы действуем не по системе Станиславского, а по обстановке.

– Ох, дядька, лучше бы вам ввести систему.

– А она у нас есть, у всех у нас. У меня, у тебя, у твоих сокурсников.

– Что же это?

– Закон, девочка.

– Ты старый, и с тобой спорить неинтересно. Ты всегда прав.

– Нет, девочка, я далеко не всегда прав, к сожалению. Кланяйся родичам.

– Когда ты приедешь?

– Как получится.

– Я позвоню тебе, ладно? – Племянница опять уткнулась в книгу.

Конечно, можно было вызвать машину. Вполне можно было. Но на отдел им полагалась всего одна машина, которая вечно была в разгоне. Как часто бывает, режим экономии вводился не там, где нужно.

Вадим шел по узкой лесной тропинке и думал о том, что ждет его в Москве, в управлении, еще дел, к сожалению, хватало. Когда он вышел на площадь Киевского вокзала, часы показывали пять. Человек, ради которого Орлов приехал в Москву, ждал его только в восемь. Оставшиеся три часа он хотел посвятить уборке комнаты и разбору новых книг, но многолетняя привычка заставила его зайти в автомат и набрать телефон своего заместителя.

– Минаев, – услышал Вадим в трубке чуть хрипловатый голос.

– Это я, Александр Петрович.

– Вадим Николаевич?

– Именно.

– Где вы?

- На Киевском вокзале.
- Сейчас машину пошлю, вас начальник управления ждет.
- Что случилось?
- Не знаю.
- Пусть водитель подъедет к пригородным кассам.

Орлов опустил трубку, привычно проверил, не выпала ли обратно монетка, вышел на улицу и закурил.

Вестибюль ГУВД был прохладным и гулким, как станция метро. У лифта Орлова перехватил следователь капитан Проскурин. Орлов не любил его, хотя ценил за хватку. Был Проскурин человеком въедливым, скрупулезным и нудным. Работать с ним для сотрудников розыска было истинным наказанием. Проскурин любил документы и требовал от инспекторов идеального оформления любой бумажки.

Увидев его, Орлов понял, что сейчас на него обрушится целый водопад претензий и жалоб.

– Вадим Николаевич, товарищ подполковник. – Проскурин каким-то хоккейным приемом отгеснил от дверей лифта молоденького лейтенанта и перекрыл Орлову дорогу. Спасительные двери лифта с шипением захлопнулись за спиной капитана.

– Слушаю вас, Павел Петрович, – обреченно вздохнул Орлов.

– Товарищ подполковник... – Проскурин вынул из кармана кителя несколько листков, отпечатанных на портативной машинке, почти без интервалов.

– Очередной меморандум?

– Товарищ подполковник, инспектор Ковалев.

– Давайте, – Орлов взял листки, – но не сейчас. Во-первых, мне надо ознакомиться с этим и осмыслить, во-вторых, меня ждет генерал.

– Я зайду через час.

– Завтра, Павел Петрович, завтра, часиков в четырнадцать ко мне или к Минаеву.

– Лучше к вам.

– Почему?

– Майор Минаев обозвал меня крохобором.

– Война Алой и Белой розы продолжается. Хорошо, значит, ко мне.

Лифт вновь услужливо распахнул двери, и Орлов шагнул в кабину. Война Проскурина с инспекторами отдела была затяжной, и ратный перевес почти всегда был на стороне следствия, так как не Проскурин поступал в распоряжение инспекторов, а они прикомандировывались к следователю. Но когда-то и он, Орлов, молодой еще оперуполномоченный, до хрипоты собачился со следователями, так что ребят своих он понимал, и понимал также, что весь этот антагонизм не что иное, как кем-то давно выдуманная игра.

Коридор третьего этажа был их коридором. Здесь жил угрозыск. Орлов привычно шел мимо дверей, вот начался его отдел.

Дверь распахнулась, и два милиционера из конвойного дивизиона вывели Нугзара Тохадзе. Он шел навстречу Орлову, стараясь удобнее приспособить руки, скованные наручниками.

Где-то под сердцем у Орлова заскребла злость. Он ненавидел этого человека. Вернее, даже человеком не считал того, кто носит имя Нугзар Тохадзе. Шесть грабежей квартир. Два трупы. Женщина шестидесяти лет и человек, отвоевавший всю войну. Тохадзе они брали в ресторане «Архангельское». У выхода. Он даже не успел вынуть пистолет из внутреннего кармана кожаной куртки.

Работал с ним Минаев, Тохадзе «кололся» неохотно, но улики были настолько неопровержимы, что он поневоле брал эпизод за эпизодом.

Теперь он шел по коридору, обтянутый джинсами и кожей куртки, шевеля скованными руками.

– Начальник! – гортанно выкрикнул он и шагнул к Орлову.

– Стоять! – Конвоир схватил его за плечо.

– Начальник, претензия у меня.

– Слушаю.

– Пусть домой позвонят, в Сухуми. Передача мне нужна. Я вашу бурду есть не могу. Я человек, а не свинья.

– Молчать! – Орлов шагнул к нему. – Без истерик. Может, мне в «Арагви» съездить? Я бы тебя и этим не кормил. Такие, как ты, даже тюремной пайки не стоят. По мне, ты вообще зря на земле живешь.

– Это суду решать!

– Не ори. Закон для всех одинаков. Не первый раз сидишь. Ведите его.

Орлов посторонился.

Отойдя несколько шагов, Тохадзе повернулся и крикнул что-то по-грузински.

В приемной начальника управления секретарь Анна Сергеевна вскинула на Орлова глаза и сказала:

– Ждет.

– Один?

– Да.

Генерал переодевался. Он был в брюках с лампасами и в темно-синей рубашке с чуть более светлым однотонным галстуком.

– Заходи, заходи, Вадим Николаевич, извини, я сейчас.

Через несколько минут он сидел за столом в прекрасно сшитом генеральском кителе, на котором переливалась эмаль почетных знаков и муар колодок. Орлов давно знал генерала. Правда, в день их первой встречи Кафтанов был старшим лейтенантом и являлся его непосредственным начальником.

Давно это было. В 1957-м. Именно Кафтанов учил Вадима азам оперативной практики. Потом он ушел в райотдел, потом в управление.

Многое случилось потом. Вадим не очень любил вспоминать прошлое. Воспоминания становились ловушкой, они расслабляли. В них жила личная неустроенность, не очень быстрая служебная карьера. В прошлом жили его обиды и ошибки.

Генерал достал из стола пачку «Мальборо», протянул Вадиму:

– Кури.

Он щелкнул плоской золотистой зажигалкой. Маленький язычок пламени послушно выскочил и сразу же погас. Вадим ждал. Он понимал, что шеф вызвал его не для того, чтобы угостить этой прекрасной сладковато-ароматной сигаретой.

– Значит, так, – сказал генерал, – сейчас придет человек. – Он посмотрел на часы и уточнил: – Ровно через пятнадцать минут.

Вадим молчал.

– Он член-корреспондент Академии художеств, лауреат Государственных премий, крупнейший специалист по реставрации.

Генерал посмотрел на Орлова. Вадим молчал.

Генерал встал, зашагал по кабинету.

– В Зачатьевском ограблен особняк, который начали реставрировать.

Орлов погасил сигарету.

– Что унесли? Крышу? Стены?

– Разделяю твой юмор. – Генерал дважды чуть слышно хлопнул в ладоши. – Ты, как всегда, ироничен. Но на этот раз мне не до шуток.

– Я все понимаю, Андрей Петрович, но мой отдел занимается несколько иным. Тохадзе, Витя Слон еще где-то красиво отдыхает.

– Особняк обчистили два дня назад, сумма оценки пропавших вещей с большими нулями. Но это не главное. Умер сторож, выпивший бутылку водки, в которой было снотворное. Он умер сегодня, в тринадцать часов. Судя по всему, там работали ребяташки ушлые. Ты лично поведешь это дело.

– А группа Зарипова?

– Ее пусть кончает Минаев. Ты лично, понял, лично поведешь это дело. Я создаю специальную оперативную группу.

– Не понимаю, товарищ генерал. – Вадим достал сигарету.

– Финские? – спросил генерал.

– Да.

– Наши лучше, крепче. А понимать ты должен одно: дело темное. А мне из-за него звонили знаешь откуда? – Генерал покосился на красный, с гербом СССР телефон и ткнул пальцем в потолок.

– Сроки?

– Вчера.

– Прокуратура приняла дело?

– Лично Малюков.

– Прямо парад. Почему такая, мягко говоря, нервозность?

– Сейчас узнаешь.

На столе ожил селектор.

– Андрей Петрович, к вам товарищ Забродин.

– Просите.

Член-корреспондент вошел и остановился на пороге, давая рассмотреть свой элегантный костюм, три отливающие золотом медали и широкую, в пять рядов, планку орденских колодок.

Он был худощав, поджар; седые волосы намертво разделил косой пробор, он был больше похож на чемпиона по теннису, чем на ученого.

– Здравствуйте. – Забродин поклонился.

– Прошу вас, прошу вас, Владимир Федорович.

Генерал вышел из-за стола навстречу Забродину.

– Садитесь, Владимир Федорович, кофе, чай?

– Пожалуй, кофе. – Забродин с интересом посмотрел на Вадима.

– Простите, – улыбнулся Кафтанов. Генерал знал, что улыбка идет ему, делает его по-мужски интересное, но жесткое лицо мягким и обаятельным. – Прошу знакомиться. Подполковник Орлов Вадим Николаевич, он руководит у нас весьма серьезным подразделением. Руководство решило поручить ему это дело.

– Весьма рад. – Забродин, приподнявшись, поклонился Вадиму, сразу же оценивающе осмотрел его фланелевый югославский костюм, однотонный галстук и модную, с маленьким воротничком сорочку.

Видимо, внешний вид подполковника устроил его, и он посмотрел на Вадима с некоторой симпатией.

Кофе пили, перебрасываясь незначительными фразами: о погоде, сигаретах, ценах на бензин.

Наконец Забродин поставил свою чашку и расстегнул молнию на щеголеватой кожаной папке.

– У нас, работников искусств, принято говорить туманно, долго и не всегда конкретно. В вашем же доме любят факты. Я пришел с ними.

Забродин достал иностранный журнал в яркой обложке, раскрыл его.

– Вот здесь напечатана маленькая статейка об аукционе в Амстердаме в прошлом году. Вот что пишет некто Макс Линд, искусствовед и посредник при продаже антиквариата: «... Вторая по стоимости и интересу работа принадлежит малоизвестному художнику из России Лимареву, его миниатюра, безусловно, представила огромный интерес и оценена в десятки тысяч долларов, что почти уникально для вещи такого размера. Интерес к работам Лимарева необыкновенно велик, жаль, что произведения этого даровитого мастера так тяжело привозить из России». А вот каталог некоторых работ Лимарева, он переснят с цветных гравюрных листов из журнала «Столица и усадьба» 1910 года.

Забродин положил на стол перед Кафтановым красочно выполненный альбом.

– Да, – генерал раскрыл его, – бумага у них.

– Блестящая полиграфическая база, вступительная статья моя, они ее перепечатали из журнала «Искусство».

Вадим встал, подошел к столу генерала.

На каждой странице во весь лист были напечатаны овалы медальонов. Даже на фотографиях эмаль как бы светилась изнутри.

– Он сам варил эмаль, по своему рецепту, – сказал художник, – пожалуй, никому не удавалось добиться такого прозрачного, как бы мерцающего колорита. Его эмаль словно живая. Поэтому и работы его необычайно интересны.

– Вы уж нас простите, Владимир Федорович, – Кафтанов захлопнул альбом, – но не довелось нам слышать о Лимареве.

– Вполне естественно, вполне естественно.

Художник вскочил, нервно заходил по кабинету.

– Искусство, как и география, имеет свои открытия. Кто раньше ценил примитивизм Нико Пиросмани? Он дарил свой щедрый талант духанам, хинкальным, третьеразрядным кабакам. Он писал вывески и рисовал на старых кабацких клеенках. А сколько талантов погибло в так называемой «ляпинке»!

– Вы имеете в виду общежитие для студентов купцов Ляпиных, на Большой Дмитровке? – спросил Вадим.

– Именно, Вадим Николаевич, именно, и я бесконечно рад, что вам это знакомо. В «ляпинке» погибли десятки талантов. Они спились, погибли от нужды. Там же жил и мещанин из Ростова Великого Лимарев. Он учился в Училище живописи, надежды подавал огромные, но, чтобы не умереть с голоду, пошел в живописную мастерскую их выпускника Грибкова. Реставрировал церкви, потом увлекся эмалью. Водка погубила его редкий талант. Работ у Лимарева не очень много. Часть их погибла во время обстрела Ленинграда. Кое-что мы нашли в Москве, Туле, Тамбове. И вот такая находка – сухотинский дом, и надо же...

– Владимир Федорович, скажите, – спросил Вадим, – а точно, что в особняке Сухотина находились работы Лимарева?

Забродин посмотрел на подполковника так, как смотрят обычно учителя на школьника, не понимающего, почему дважды два четыре. Он достал из папки бумаги и положил перед Орловым.

– Вот, друг мой, акт экспертизы, но даже этого не надо, вот письмо отца генерала Сухотина, действительного тайного советника Павла Сергеевича Сухотина, брату. Оно попало нам в руки в Тамбовском архиве. Я прочту отрывок:

«... А далее, дорогой Константин, спешу уведомить тебя, что присланный тобой живописный мастер Лимарев весьма умен и талантлив необычайно. Медальоны его украсили каминную, а узорная плитка совершенно преобразила печь. На балу был сам его высокопревосходительство с супругой и хвалили работу Лимарева.

Расчет с живописцем я произвел сполна. Но мне жаль этого несчастного человека, утопившего свой дар Божий в горячительных напитках.»

– Владимир Федорович, – генерал постучал пальцами по акту экспертизы, – надеюсь, вы снимете копии со всех этих документов для нас?

– Уже сделано. – Забродин достал из папки голубоватый полиэтиленовый пакет с бумагами.

– Это первое, – продолжал генерал, – второе, что нас очень интересует, – это перечень вещей, унесенных из дома Сухотина.

– Из бывшего райкома ДОСААФ, – ехидно поправил Забродин.

– Пусть так, пусть так, – Кафтанов усмехнулся, – но нас интересует ценность предметов старины.

– Ну что же. – Забродин встал и вновь, видимо, почувствовал себя профессором, читающим лекцию студентам Строгановки. – Шесть медальонов работы Лимарева, расписной кафель печки-голландки, его же работы. Старинная фарфоровая облицовка камина, приобретенная предком Сухотина на аукционе в Париже в 1814 году, остатки окон-витражей, также французской работы, и, наконец, редкая по своей красоте отливка и ковка: каминная решетка, основания перил, этажные экраны на лестничных пролетах.

– Н-да. – У Вадима настроение испортилось: вещи, взятые в особняке, выходили из его привычного круга розысков.

Преступники, которыми занимался его отдел, нападали на инкассаторов, грабили квартиры, из которых уносили дорогие магнитофоны, золото, украшения, кожаные вещи, меха.

Дело об ограблении реставрирующегося особняка представилось ему унылым и нелегким.

– Вы, кажется, Вадим Николаевич, – повернулся к нему Забродин, – не совсем понимаете, почему я и мои коллеги так хлопочем об особняке Сухотина? Вы москвич?

– Да, только какое это имеет отношение к делу?

– Самое прямое. Вы любите Москву? Старую Москву, где прошло ваше детство?

– Конечно.

– Так, – художник хлопнул в ладоши, – а теперь закройте глаза и вспомните, как вы ходили от Петровки до Малого Николопесковского переулка?

– Но его же нет!

– Правильно. Его нет. Так же как нет многих переулков и особняков, так же как нет на Пушкинской площади дома Фамусова, да и сам Александр Сергеевич стоит на другом месте. Так же как вместо умного, грустного, ироничного Гоголя, спрятанного в глубине двора, мы видим на бульваре писателя, похожего больше на военачальника или передовика производства. Мы смотрим по телевизору «Клуб путешественников» и восторгаемся красотами Венеции. Правильно! Это прекрасно, но, стоя на площади Святого Марка в Венеции или гуляя по Парижской улице в Праге, мы не должны забывать о красоте нашего города. Пусть неяркой, но милой русскому сердцу красоте Москвы.

Голос художника, набрав силу, бился о стены кабинета. Звучал красиво и гулко.

– Москва – центр России. Какой русский может забыть ее необычайную красоту. Вспомните, друзья, вашу молодость. Осенние переулки Замоскворечья, Арбата, Чистых прудов. Да, я за то, чтобы строить новые прекрасные и светлые города. Но зачем же уничтожать собственную историю? Ах, сколько погибло чудесных домов, в которых бывали Радищев, Лермонтов, Рылеев, Пушкин, декабристы, народники, писатели. На этих домах не было мемориальных досок, и они попали под страшную линию сноса и реставрации. Если б вы знали, товарищи, сколько трудов нам, ревнителям русской старины, стоит отстоять улицу, переулок, дом от сноса. Если б вы знали...

Генерал проводил Забродина до дверей, вернулся и сел рядом с Вадимом.

– Что ты такой мрачный? Как дома?

– По-прежнему.

– Слушай, я бы ввел в положение о присвоении звания полковника графу – женат. Холостым бы не присваивал.

– Во-первых, я разведенный, во-вторых, замуж обычно хотят выйти именно за полковников, в-третьих, почему?

– От зависти, Дима, от зависти.

– Не завидуй, не такая уж легкая должность на этом свете быть холостым.

Когда никого не было, в редкие минуты неслужебных разговоров они вновь, как и в те далекие годы, переходили на «ты».

– Знаешь, – Кафтанов взял сигарету, – я Леньку Васильева вчера видел.

– Ты много куришь.

– А-а. Доктор, завсектором в институте, книги, лекции. Жизнь. А мы?

– Мы, Андрей, и даем ему материал для диссертации.

– Слушай, ты мне не нравишься.

Кафтанов подошел к шкафу, снял китель, аккуратно повесил его на плечики.

– Что с тобой?

– Прошлое удивительно, настоящее замечательно, будущее не поддается самым смелым прогнозам.

– Ну, что касается будущего, так в ноябре с тебя. – Генерал щелкнул себя по шее. – Послали тебя на полковника, да и о служебном перемещении есть мыслишка. Меркулова забирают в главк. Рад?

– А то нет. Конечно, рад.

– То-то. Так что это твое последнее дело в старой должности.

Кафтанов подошел к столу. В модном темно-синем костюме он совсем не походил на генерала милиции, а скорее на журналиста-международника.

– Ну а теперь перейдем к нашим баранам. – Генерал посмотрел на Вадима, помолчал, постукивая пальцами по столу. – Ты, конечно, удивился, что я решил поручить тебе это дело.

– Не то чтобы удивился, просто не ожидал.

– Я объясню тебе. Мне кажется, что ничего сложного в этой криминальной истории нет. Нет! Понимаешь? Я даже уверен, что в особняке поработали жучки от антиквариата. Но я знаю тебя. И как сыщика, и как человека. Дело деликатное крайне, ну и, конечно, разобраться в нем должен человек тонкий, умный, любящий Москву.

Вадим с изумлением посмотрел на генерала.

– Ну, знаешь, так сразу...

– Да, именно сразу. Я тебя считаю таким. Ты посещаешь вернисажи, дружишь с актерами и писателями, бываешь в ресторанах творческих домов. Да, мне нравится это. Я люблю твою комнату, сплошь заставленную книгами, и мне даже импонирует, что ты так небезразлично относишься к одежде. Сегодняшний сыщик должен быть элегантным, эрудированным, светским, если хочешь.

– Послушала бы тебя моя сестра.

– У твоей милой Алочки несколько иное толкование этих понятий, в ее интерпретации все вышеизложенное лежит рядом с погоней за благами материальными, притом взять их она желает любой ценой.

– А ведь она тебе нравилась.

– Поэтому я так уверенно и говорю. Ей не мужик нужен, а ее Слава, закопавший на дачном участке свой талант и мужское достоинство ради погони за копеечкой. Вспомни, как он начинал. Один прекрасный художественный фильм, а дальше бесконечные документальные ленты и дикторские тексты ради дачи, машины, шубы. Ради Алочкиного сытого благополучия.

– Не суди, да не судим будешь. А все-таки прошло столько времени, а тебя задевает это.

- Задевает. В незаконченности – вечность.
- Батюшки, как напыщенно!
- Ну тебя к черту! Дело, товарищ подполковник, дело. Я создаю отдельную оперативную группу. Руководитель – ты. Заместитель – Калугин. Он много лет занимается антиквариатом. Двух остальных берешь из своего отдела. Кого?
- Пожалуй, Фомина...
- Я так и знал.
- И молодого возьму, Алешу Стрельцова.
- Он же всего год в отделе.
- Ничего, паренек хваткий, умный и деликатный.
- Быть по сему. Машину вам выделяю круглосуточную и, конечно, дам команду всем службам об оперативной помощи.
- Добро.
- Вадим встал.
- Ты куда?
- Домой.
- Домой. Проза.
- Кафтанов полез в карман, достал три десятки.
- Поехали ужинать. Бутылку шампанского выпьем.
- Куда?
- В Дом кино. Ты там вроде свой.
- Поехали.

Его разбудила луна. Она повисла над окном, залив комнату нереальным зыбким светом. Тускло заблестели стекла книжных полок. Картина на стене ожила, маковки церквей и колокола придвинулись ближе. Вадим сел на постели, глядя на лунный свет, и ночь закачала, понесла, понесла его по нему.

Ах, ночь, ночь! Вместе с бессонницей ты приносишь воспоминания. В ночных воспоминаниях почему-то нет места радости. Открывается дверь памяти, и в комнату, залитую светом печали, приходят ушедшие друзья и навсегда потерянные женщины.

И тоска приходит о жизни, которую ты бы смог прожить иначе и удачливее. Ведь сколько на земле прекрасных профессий. А у тебя всю жизнь грабежи да разбойные нападения.

Ах, ночь, ночь! Плохое это время для одинокого человека. В темноте комнаты еще сильнее ощущаешь ненужность свою. Прав Кафтанов, семья должна быть.

Была бы семья, жена рядом, ребенок в другой комнате.

Нет этого, есть комната, освещенная луной, огонек сигареты и горечь воспоминаний.

Он подошел к раскрытому окну. Пустой Столешников был похож на длинную щель. Мертвенно блеснули витрины магазина «Алмаз». В гастрономе мигала красным глазом, жужжала лампа охранной сигнализации.

Дома напротив спали. Только в одном окне горел старомодный зеленый абажур настольной лампы.

Он любил свой город. Бульвары, переулки Замоскворечья и Сретенки, Старый Арбат и пруды. И ночь проносила их мимо его окна, и Вадим улыбался, глядя в темноту, словно здороваясь с добрыми друзьями.

Вчера вечером, когда они сидели с Кафтановым в ресторане Дома кино, в этот редкий вечер теплого, как в далеком прошлом, товарищеского общения, они не говорили о работе. Но дело их, многотрудное, иногда почти неподъемное, все равно тяжелым камнем давило им на плечи. Их заботы стояли за спиной, и они, Вадим с Кафтановым, с завистью смотрели на радостных мужчин и милых женщин, веселящихся за соседними столами.

Кафтанов не говорил о деле, но Вадим уже чувствовал начало новой работы. Он ощущал себя гонщиком, поздно начавшим старт, но непременно обязанным выиграть соревнование.

Видимо, и разбудило его это ожидание.

Но думать о работе не хотелось. Она проецировала в памяти лица, лица, лица, разгромленные квартиры и, что самое страшное, трупы людей. И этой ночью он вспоминал молодость. Дачу в поселке Раздоры, нагретый металл велосипедного руля, солнце, пробившееся сквозь ели. И Нину он вспоминал, тоненькую, с золотыми волосами, с милой родинкой на верхней губе. Они порознь шли к лесу у Москвы-реки, а там уже, обнявшись, гуляли вдоль берега, не страшась встретить знакомых. Жизнь развела их. И уже в армии он с горечью и тоской вспоминал о ней, читал редкие письма, которые потом кончились вообще.

Потом у него были еще утраты, потери. И случалось это по-разному, в основном по его вине. Когда от невнимания, а когда просто он был не один из многих, а из многих один. Но все же ближе к старости почему-то обостренно воспринималась именно та, первая утрата. И все воспоминания из этого далека были нежны и прекрасны.

Вадим задремал, сидя на широком подоконнике. День обещал быть нежарким, тучи плотно закупорили небо, грозясь утренним дождем. Он не видел этого. Утро принесло свежесть и прохладу. Ветер залетал в комнату, глядя его по лицу. Вадим спал, улыбаясь, словно вернувшись в свою молодость.

Из открытого окна «Веселые ребята» голосами, усиленными стереофонией, дружно грянули:

Ну, что мне делать,
Я жених иль не жених,
Ведь мне жениться на тебе,
А не на них...

Молодой инспектор розыска из 60-го отделения Саша Крылов подхватил мелодию, замурлыкал слова и пошел в такт песне. Тоненький, широкоплечий, в затейливой рубашке с погончиками, плотно обтянутый вельветом джинсов.

Вадим усмехнулся, глядя, как он пританцовывает на ходу, весело улыбаясь утру, машинам, домам, деревьям.

– Разве это опер? – мрачно пробурчал Фомин.

Старший инспектор по особо важным делам управления, он в любую погоду носил темный костюм фабрики «Большевичка», тугую крахмальную рубашку и серый форменный галстук-самовяз.

– Ну какой он опер, – продолжал Фомин, – ни виду, ни солидности, дурь одна.

– Хороший он опер, сиречь инспектор, – заступился за Крылова замотделения по розыску капитан Симаков, – очень хороший, между прочим, это он Буню Сальникова заловил, а вы его всем управлением год искали.

Фомин вытер платком лысую, похожую на бильярдный шар голову, неодобрительно покопился на клетчатый пиджак капитана и угрюмо засопел. Его душа требовала порядка. Иногда Вадиму казалось, что по утрам Павел Степанович вывешивает в квартире приказ, кому в чем идти на работу.

– Ну вот, пришли, – сказал Симаков.

Двухэтажный особняк стоял в глубине двора. На фасаде сиротливо висела пустая люлька реставраторов.

– Я работы временно прекратил, – сказал Симаков.

– Разумно... – заметил майор Калугин, специалист по антиквариату. Невысокий, плотный, в очках с тонкой золотой оправой, он на секунду приостановился, оглядывая разрушенную лепнину на фасаде здания.

Вадим остановился, привычно фиксируя глазами двор, заваленный строительным мусором, ржавые лебедки, какое-то хитроумное устройство, похожее на большой краскопульт, стены дома, покрытые лишаями шпаклевки.

На крыльце сидели трое в спецовках, заляпанных краской. Один из них, молодой, бородатый, с синими веселыми глазами, встал, бросил сигарету, подошел к Симакову:

– Ну что, товарищ капитан, когда начнем работу? Мы же подряд взяли, у нас сроки.

– Ах, Славский, Славский, тут человек умер, а вы сроки, – Симаков посмотрел на него, – нехорошо.

– Возможно, но смерть этого алкаша не должна отражаться на нашем заработке.

– Вот, Вадим Николаевич, рекомендую, – Симаков повернулся к Орлову, – Славский Сергей Викторович. Художник-реставратор, он же бригадир. Вроде как шабашник.

Славский улыбнулся:

– Ах, капитан, капитан. Вы же милиция, правоведы. Вам должно быть известно, что мы, реставраторы, имеем право заключать договора с подрядными организациями.

– Известно, мне все известно.

– Простите, Сергей Викторович, – вмешался в разговор Вадим, – вы, кажется, первый обнаружили кражу?

– Да.

– Расскажите.

– Все зафиксировано в протоколе.

Протокол допроса свидетеля

«Я, инспектор уголовного розыска 60-го отделения милиции г. Москвы лейтенант Крылов, допросил в качестве свидетеля гражданина Славского Сергея Викторовича, 1941 года рождения, беспартийного, ранее несудимого, уроженца г. Москвы, холостого, члена группового Комитета художников-графиков, проживающего по адресу: Москва, Красноармейская, д. 5, кв. 144. Об ответственности по статье 181 УК РСФСР предупрежден.

Предупреждаю вас, гражданин Славский, что допрос будет производиться при магнитофонной записи.

Крылов. Гражданин Славский, в какое время вы пришли на работу?

Славский. Я прихожу раньше всех, за полчаса до восьми, чтобы подготовить рабочее место.

Крылов. Милицию вызывали вы?

Славский. Да.

Крылов. Почему?

Славский. Я увидел сломанный замок.

Крылов. Расскажите подробнее.

Славский. Ключи были только у меня. Я же и опечатывал дверь. Утром 14 августа я увидел, что замок взломан, а дверь открыта.

Крылов. Вы входили в помещение?

Славский. Нет. Я побежал во флигель к сторожу, но разбудить его не смог, он был абсолютно пьян. Я из автомата вызвал милицию.

Крылов. Когда вы вошли к сторожу Кирееву, что вы увидели?

Славский. Сначала запах отвратительный почувствовал, перегара, пота, прокисшей еды. В комнате, на топчане, спал Киреев, окно было закрыто, на столе стояла бутылка водки

«Лимонной», ноль семьдесят пять. Я еще удивился. Сторож был ханыга, обыкновенный алкаш – и вдруг «Лимонная». Я начал будить, а он только мычал.

Крылов. Киреев пил?

Славский. Да. Целый день шатался по объекту, выпрашивал рубли, бутылки из-под кефира воровал. Ханыга.

Крылов. Вы не обратили внимания, кто-нибудь из посторонних приходил к Кирееву?

Славский. Конечно, приходили. Особенно в конце рабочего дня. Приносили выпивку. Утром тоже открывался «клуб пытливой мысли».

Крылов. Как это понимать?

Славский. Алкаши местные раненько прибежали, находились в рассуждении, где достать опохмелиться.

Крылов. Кто конкретно?

Славский. Я их знаю визуально. Помню, что одного называли Хоттабыч.

Крылов. Как он выглядит?

Славский. Выше среднего роста, лысый, лицо опухшее, все приговаривает: «Трахти-бидахти-бидухтибидах». Так в повести Лагина говорит старик Хоттабыч.

Крылов. Сторожа разбудить вам не удалось. Что вы делали потом?

Славский. Пошел встречать вас».

– Я читал ваши показания, – Вадим присел на штабель досок, – знакомился с протоколом осмотра места происшествия. Но мне бы хотелось поговорить с вами без протокола.

Славский достал сигарету, размял ее, посмотрел на Вадима:

– По-моему, я сказал все.

– Конечно. Но меня интересуют детали. Мелочи. Вот вы подошли к взломанной двери. Что вы увидели?

– Я уже говорил.

– А если бы вы захотели нарисовать это, как бы вы поступили?

Славский закурил. Посмотрел на опечатанную дверь, потом на Вадима:

– Видимо, вы хотите, чтобы я реставрировал место происшествия.

– Нет, это уже поздно. Просто подумайте, за что бы вы зацепились в первую очередь.

– Сначала давайте оговорим, как бы я назвал эту картину. «Кража», «Взлом», «Преступление»?

– Вы творец, вам и карты в руки.

– Знаете, чепуха, конечно, но я люблю хорошие часы и хороший табак. И почему-то всегда на это обращаю внимание.

– Поэтому вы так и смотрели на мои часы.

– У вас хорошие «Сейко-5 Актус».

– Правильно.

– Курите вы американский «Кэмел», без фильтра, он продается в ЦДЛ, ресторане аэровокзала и в «Узбекистане». Правильно?

– Да. А вы курите «Житан». Сигареты французские, в продаже их нет.

– Тоже правильно. Мне их присылает сестра. Она замужем за работником торгпредства, живет в Париже.

– Так что же все-таки поразило вас?

– Понимаете... – Славский вытащил из пачки новую сигарету. – Я, пожалуй, бы нарисовал ночь, силуэт женщины у машины и огонек сигареты.

– Но почему женщины?

– Не знаю, но что-то заставляет меня это сделать.

К ним подошел Калугин:

– Вадим Николаевич, будете осматривать особняк?

– А смысл есть?

– Ассоциативный ряд.

– Пожалуй. Вы, Сергей Викторович, проводите нас?

– Конечно. Я сам еще там не был.

– Почему?

– Ваших коллег водил мой реставратор, Коля Ларионов. Я расстроился очень.

Калугин внимательно и быстро посмотрел на Славского.

Не простой был это взгляд. Ох не простой!

И Вадим заметил его. Заметил и учел.

Симаков стоял в вестибюле особняка и о чем-то спорил с Фоминым. Он тыкал ему пальцем в грудь, возмущенно всплескивал руками.

Фомин, расставив ноги, облитый темным жарким костюмом, словно врос в пол, и сдвинуть его никакой возможности не было.

– О чем спор? – Орлов бегло осмотрелся.

– Товарищ подполковник, Вадим Николаевич, – Симаков даже запнулся от возмущения, – вы послушайте, что Павел Степанович говорит, послушайте.

Орлов внимательно посмотрел на Фомина.

– Здесь артельно работали, Вадим Николаевич, – бесстрастно сказал Фомин.

– Как это?

– А очень просто. Давайте наверх поднимемся, я вам покажу.

– Вы, Павел Степанович, – Симаков зло смял сигарету, – конечно, человек опытный, и мы вас уважаем, вроде бы как реликвию.

Фомин повернулся к Симакову сразу, всем корпусом. Посмотрел на него прищурившись. Глаза его были холодны и бесстрастны, усмехнулся.

– Реликвия, говоришь, капитан. Вроде бы как экспонат музея криминалистики. Нет у меня на тебя обиды, Симаков. Нету. Потому что с обидой наше дело не делается. Ты вот в академии учишься. Это хорошо. Только сыскная наша академия – это опыт, Симаков. Обиды у меня на тебя нету. Мы здесь не в городки играем, а кражонку раскрыть должны. Так что ум – хорошо, а два – лучше. Ты это уясни, Симаков, тебе до пенсии еще как медному котелку... А наше дело ума да совета требует.

– Брек, – сказал Вадим, – давайте временно закончим спор теории и практики. Мы не на дискуссии в журнале «Советская милиция», а на месте происшествия. Ваши соображения, Симаков.

Они поднялись на второй этаж особняка. Что здесь было в те далекие годы, когда домом владел генерал Сухотин, можно было представить, только запасшись могучей фантазией, свойственной, пожалуй, одному лишь Жюлю Верну.

Зал, который раньше именовался каминной гостиной, напоминал декорацию к фильму об обороне Сталинграда. Окна с выбитыми стеклами, на стенах шесть дыр от медальонов, остатки камина напоминали снарядную воронку.

– Да. – Вадим взял Славского под руку, – пока это лишь напоминает музей.

– Вы должны были сюда прийти зимой. 1 декабря мы собирались открыть экспозицию. Собирались.

Славский подошел к размонтированному камину, хлопнул ладонью по стене:

– Здесь был фарфоровый камин, подражание Ватто. Работы французского мастера Жюля Пино. Мы разобрали его и должны были отвезти на реставрацию. Шесть медальонов работы Лимарева. Их должен был реставрировать я. Первичную обработку начал прямо в этой комнате.

– Теперь слушайте, что я скажу, – Фомин достал платок, вытер голову, – кто-то усыпил сторожа и забрал картинки эти настенные. Причем ни одного отпечатка не оставил. В протоколе осмотра места происшествия указаны следы. Точно такие же, как при ограблении квартиры и дачи академика Муравьева. Преступники надевали на ноги полиэтиленовые пакеты. Так?

– Так, – нехотя ответил Симаков.

– Значит, приехали на машине, сторожа опоили «лапинкой», взяли картинки и ушли. А потом смотри. В соседней комнате лежала керамическая плитка. Где она лежала, гражданин Славский?

Художник прошел в соседнюю комнату, хлопнул ладонью по печке-голландке:

– Здесь. Прямо здесь.

– Так, Симаков. – Фомин подошел к Славскому. – Вот здесь эксперт, согласно протоколу осмотра места происшествия, зафиксировал следы ботинок с характерной деформацией каблука на правой ноге. Так?

– Так, – мрачно ответил Симаков.

– Те же следы обнаружены на лестнице и потом на влажной земле. Так?

– Ну и что?

– А вот что: следы, обмотанные полиэтиленом, практически смыты дождем. Так?

– Да что вы заладили: «так» да «так».

– А то, Симаков, что керамическую плитку выносили позже. Кто-то другой. Этот другой увидел взломанную дверь, поднялся, сложил плитку в мешок и уволок, потом сделал несколько ходок, вывозил на тележке решетки и ковку. Вот отсюда и следы велосипедных колес в протоколе осмотра. Тележка была на этих колесах. Такие мои соображения. Тут уж не сердись, Симаков.

Симаков отошел к окну, достал сигарету, закурил.

Все молчали.

Вадим посмотрел на Фомина. Старший инспектор по особо важным делам смотрел в спину Симакова сочувственно, без тени превосходства. Он сделал свое дело – выдвинул версию. Фомин был опытный сыщик. Точно так же лет десять назад он напрочь перечеркнул стройную и весьма убедительную версию самого Вадима, когда раскрывали ограбление склада ювелирной фабрики.

– Товарищ Славский, вы, пожалуйста, оставьте нас, – сказал Орлов.

Художник понимающе кивнул и пошел к лестнице.

– Ну что же, Симаков, пока у нас есть две версии – ваша и Фомина. Откровенно, я больше склонен доверять второй. Теперь так: кто такой Хоттабыч?

– Силин Петр Семенович, проживает: 3-й Зачатьевский переулок, дом 3, квартира 26. Ранее судим дважды. Первый раз по 122-й и по 206-й, части первой. Три дня не был дома. На квартире засада, – повернулся к Вадиму Симаков.

– Так, любопытно. Отпечатки пальцев, размер обуви?

– Соответствуют обнаруженным на месте преступления.

– Да, конечно, Симаков, у вас все прекрасно складывается. Версия отличная: взял Хоттабыч, то бишь Силин. Кстати, где он может быть?

– Жена говорит, что два дня не ночует дома, товарищ подполковник, – сказал Саша Крылов.

– Раньше с ним такое бывало?

– Да. Он запойный, даже на принудительном лечении был.

– Так что же, Крылов, важнейший фигурант по делу где-то пьет, а мы ждем.

Инспектор покраснел.

– Он делает все, что может, товарищ подполковник, – вмешался Симаков, – активный розыск начат вчера.

– Так, – Вадим усмехнулся, – приступим к нашим играм. Тем более что в отделении нас ждет следователь горпрокуратуры товарищ Малюков. Ты, Симаков, отправь к нему на допрос реставраторов, а мы пока сыск учиним. Потому как техника техникой, а нашего брата ноги кормят. Симаков, в протоколе осмотра места происшествия сказано о какой-то рубашке?

– Рваная рубашка с номером прачечной.

– Что сказали эксперты?

Симаков достал блокнот.

– Рубашка французская, предположительно фирмы «Диор».

– Киреев и Хоттабыч вряд ли могли позволить себе одеваться из этого дорогого дома.

Реставраторы?

– Славский сказал, что купил бы с удовольствием, но достать не может. У других нет.

– Номер?

– 52427.

– Что предприняли?

– Проверяем прачечные нашего района.

– Жаль мне вас, но придется проверять все прачечные города. Этим займутся Фомин, Стрельцов и Крылов. Калугин, ваше дело – коллекционеры и комиссионки.

– Одному трудно, Вадим Николаевич.

– Я договорился с РУВД, вам дадут инспектора. Мы с Симаковым Силина поищем. Симаков займется машиной. Следы протектора есть. С Богом.

В кабинете Симакова было прохладно и темновато.

Огромная липа росла почти вплотную к стене, и ветви ее по-хозяйски расположились на подоконнике открытого окна.

– Хорошо у тебя, – сказал Вадим, – прохладно и свежо, как осенью.

– Мне начальник говорит: обрубь ты эти ветви, Симаков, – капитан улыбнулся, – а я не хочу. Зимой, конечно, темновато, зато летом!.. Особенно после дождя. Запах как дома.

– А ты откуда?

– Я из Зарайска. Бывали?

– Не приходилось.

– Городок у нас маленький, зеленый. Старый городок. Я сейчас чай сделаю.

Симаков достал из стола кипятильник, налил из графина воды в чайник.

Вадим снял пиджак, расстегнул наплечный ремень оперативной кобуры, положил оружие на сейф.

В дверь постучали.

– Заходите! – крикнул Симаков.

В кабинет вошел молоденький лейтенант. Был он весь наутюженно-чистенький, розовощекий, на ладном кителе сиял новый значок об окончании средней специальной школы милиции.

– Лейтенант Гусельщиков, – бросил он руку к козырьку.

– Это участковый, Вадим Николаевич, он 3-й Зачатьевский обслуживает. Ты, Гусельщиков, доложи товарищу подполковнику о Силине.

Лейтенант повернулся по-строевому к Вадиму и еще раз козырнул.

– Вы садитесь, лейтенант, – Вадим хлопнул ладонью по стулу, – садитесь и рассказывайте все, что вы знаете об этом замечательном человеке.

Гусельщиков строго свел мохнатые брови, посмотрел на подполковника укоризненно.

– Ничего замечательного в гражданине Силине нет. Пьяница, тунеядец, бытовой хулиган. Я с него несколько подписок об устройстве на работу брал.

– Ну и как?

– Устраивался. Месяц поработает и уходит. От пьянства его лечили. Ничего не помогает, антиобщественный тип.

Гусельщиков расстроено смотрел на подполковника из управления. И весь его облик говорил, что, дескать, он, участковый инспектор, вины с себя не снимает, а даже, наоборот, готов отвечать за всякого, кто не хочет жить по-людски на его территории.

– А где он может быть сейчас?

– Я, товарищ подполковник, регулярно все их точки обхожу.

– Это что же за точки?

– Места, где вся пьянь собирается. Дружинников сориентировал, общественность.

– Подожди, подожди, Гусельщиков, ты меня в отношении их алкогольной географии просвети.

– Во-первых, пивная-автомат, во-вторых, они у магазинов в Дмитровском переулке и на Кропоткинской кустятся, ну и, конечно, во дворе дома 7, там пустырь, лавочки, вот там и распивают.

– Значит, там и есть их «клуб пытливой мысли»?

Симаков засмеялся.

Лейтенант строго, с недоумением посмотрел на Вадима.

– Там клуба нет, товарищ подполковник, там безобразие одно.

– Это я шучу, шучу, Гусельщиков. А с кем он дружит?

– Кто?

– Силин. Хоттабыч этот.

– Да откуда у него друзья, так, собутыльники.

– А с кем пьет чаще всего?

– С кем придется.

– Ну ладно, Гусельщиков, чаю хотите?

Лейтенант опять с недоумением посмотрел на Вадима. Он никак не мог понять, шутит подполковник или нет.

– Я уже завтракал, товарищ подполковник. Я могу идти?

– Идите.

Лейтенант повернулся через левое плечо. Повернулся четко, видимо, в армии он был отличным строевиком, и вышел.

– Он парень хороший, старательный, службу несет отлично, – сказал Симаков, заваривая чай.

Над старым фаянсовым чайником с отбитой ручкой поднялся ароматный парок.

– Запах чувствуете? Это я для вкуса чебреца добавляю. Трава такая, мне ее один парнишка из Ростова присылает, вкус необыкновенный у чая.

– Строгий он очень, Гусельщиков ваш. Строгий и четкий, как устав.

– А разве плохо?

– Нет, почему же. Плохого ничего нет. Только у нашей службы одна особенность есть, Симаков, мы с людьми работаем, поэтому деятельность наша простирается в сфере душевной.

– У него на участке этих душ, Вадим Николаевич, тысяч пять. В каждую не влезешь.

– А я его не призываю лезть в каждую. Но вот каждого, кто на пустыре пьет, он должен изучить досконально.

– Молодой он...

– Ты, Симаков, видно, считаешь, что преступники на это скидку делают, на возраст. Наливай чай, да пойду я.

– Куда?

– Тряхну стариной, займусь личным сыском.

- Да вроде вам не с руки, все же начальник отдела МУРа.
- Слушай, Симаков, ты приключения читать любишь?
- А кто их не любит читать?
- Любят все, только не все сознаются.
- А почему вы меня спросили?
- Так, к нашему разговору о должностях. Шерлок Холмс вошел в историю как сыщик, а не как руководитель.
- Зато Мегрэ был комиссаром, вроде как вы начальником отдела.
- Твоя правда, Симаков, но ведь и он занимался личным сыском. Давай мне адрес Силина.

Калугин поехал в управление. Пока его старенький «москвич» бежал по Бульварному кольцу, он прикидывал возможные варианты поиска. Майор знал Орлова, ценил его как отличного работника и ценного оперативника, но вместе с тем он прекрасно понимал, что ограбление особняка лежало вне сферы служебных устремлений подполковника. Калугин на месте преступления внимательно следил за Вадимом и видел, что руководитель группы ведет поиск, безусловно, правильно, но все же хищение антиквариата имеет свою, определенную специфику, и если первичное действие – ограбление – как таковое вполне идентично любому другому преступлению, то заключительная фаза – сбыт – имеет совсем иные формы. Золотые украшения, драгоценности, меха, стереофонику сбыть вообще-то нетрудно. Есть много желающих приобрести это в теплых краях, да и не только там. А вот медальоны Лимарева может купить не каждый.

Даже коллекционеры-фанатики не пойдут на это.

Они дорожат своим добрым именем. Значит, медальоны брали для продажи, как говорят фарцовщики, «за бугор», то бишь за границу.

В том, что это так, Калугин не сомневался ни на одну секунду. Он слишком долго работал по антиквариату и точно знал, как из страны исчезают редчайшие ценности.

Но решиться на такое могли только люди наглые, смелые и многоопытные.

Он уже предположительно наметил нескольких человек. И сейчас, пробираясь между троллейбусом и длинной иномаркой, чтобы перестроиться в левый ряд, он всячески пытался связать этих людей со Славским. А основания для этого у него были. Семь лет назад проходил студент первого курса Строгановского института Сергей Славский по делу некоего Хомутова. Именно Славский реставрировал краденые иконы и картины. Калугин хорошо помнил допрос Славского. Его уверенность, ироничность, а главное, твердость. Только после очных ставок студент начал давать показания. Даже опытные, много видевшие инспекторы удивлялись. Начальник их отдела Борис Смолин сказал тогда:

– Способный молодой человек, очень способный, способный на все.

Поэтому Калугин и ехал на Петровку. Уж очень его интересовали связи этого «способного на все» человека.

Кабинет его напоминал запасник маленького музея.

Весь угол был завален иконами, картинами, на сейфе стояли громадные бронзовые часы.

Только нездоровая фантазия могла изобрести столь небывалое чудо. Видимо, когда-то эти часы заказывал человек, имевший прямое отношение к армии. На циферблате переплелись копыта, кивера и мечи, стрелки были выполнены под шпаги. Венчали это сооружение двое обнаженных, мускулистых мужчин со шлемами на голове. Они занесли над колоколом, исполненным в виде пушечного ядра, покрытые бронзовыми колючками палицы.

Калугин сел за стол, еще не понимая, откуда исходит однообразный ритмичный звук. Он подошел к сейфу и с удивлением отметил, что часы пошли. Шли они странно: глухо и неритмично. Старые колеса, сносившиеся зубчатые передачи, усталые балансиры работали

надсадно, со скрипом. Калугин постоял, прислушиваясь, улыбнулся. Он знал, кто починил часы. В отделе у них работал Сережа Осипов, самозабвенно любивший все это старье. Для него не было лучшего подарка, чем испорченные ходики или же развалившиеся часы с кукушкой.

Все свободное время он копался в механизмах. Конечно, в его коллекции не было подобных бронзовых реликтов.

Дороговаты они нынче. Не по карману капитану милиции. Но зато библиотеку по часовому делу Сережа собрал уникальную.

Калугин открыл сейф, из глубины, с самого дна, достал папку, на которой было написано: «Славский С. В.»

Вот она – история художника-реставратора Славского. Некрасивая, скажем прямо, история, не делающая чести Сергею Викторовичу. Долго лежали эти документы в сейфе и пригодились. Лучше бы они не понадобились никогда. Всякое бывает в жизни. Оступился человек. Совершил ошибку. Помогли ему ее исправить.

Живи

Но Калугин, много лет проработавший по антиквариату, знал, какое это болото. Сначала у старушки выменял икону старую и продал. Потом посредником стал при продаже павловской¹ мебели, потом картины, портсигары и табакерки уникальные, потом... Засасывает это все человека. Слишком много денег у некоторых людей появилось. Шальных денег, нечестных. Решили они свою жизнь украсить, да и средства выгодно вложить. Вот и обставляются кооперативные квартиры павловской мебелью, спальнями карельской березы, столовыми гарнитурами «генеральши Петуховой».

Калугину по роду работы приходилось бывать в таких квартирах. Они напоминали ему запасники провинциальных музеев, куда складывали дорогие вещи и картины, не представляющие художественной и исторической ценности.

Он хорошо помнил обыск на даче у директора загородного ресторана Аванесова. Там его поразил кабинет хозяина. Нет, не огромный красного дерева неуклюжий письменный стол, не бронзовые часы, которым положено было стоять в свое время в гостиной публичного дома средней руки, поразила его библиотека. В старинных ореховых шкафах, за зеркальным стеклом переливались золотом корешки книг. Редчайшие работы по истории, военному делу, администрации, приложения к «Ниве», журналу «Семейное чтение», редкие, забранные свиной кожей воспоминания участников наполеоновских походов, редчайшее собрание книг по московской старине.

– Вы читаете эти книги? – спросил он Аванесова.

– Зачем читать? Красиво. Кабинет все-таки.

Как, наверное, искали эти тома по искусству и живописи люди, изучающие старинный портрет. Как быгодились военному историку все дореволюционные издания «Военной энциклопедии» и тома «Русской военной силы».

Но не попали они к ним. Осели на даче у частника, выполняя декоративную роль. Они, как часы с фривольным сюжетцем, говорили о достатке хозяина дома. О его незыблемом месте на определенной ступени иерархической лестницы в тесном деляческом мире.

Калугин взял папку, достал из стола пачку сигарет. Он теперь курил восемь сигарет в день. Страдал нещадно, обманывая сам себя, но все же не решался бросить совсем.

Калугин посмотрел на часы. Закурить по новому графику он мог только через сорок две минуты, вздохнул. Понюхал сигарету и раскрыл папку. Так. С кем же ты был связан, дорогой

¹ Термин, который закрепился в кругах историков искусства и антикваров, определял целый период развития русской мебели. (Примеч. ред.)

наш Сергей Викторович? Шейкман Лазарь Лазаревич, мелкий посредник, человек без определенных занятий. Так, кто еще? Березин Степан Иванович, кличка Стив. Этому сидеть еще лет пять. Фильчиков Олег Петрович. Нет Фильчикова Олега Петровича. Зарезали его под Сузда-лем. Убили нанятые им для ограбления церкви уголовники. Патрушев Станислав Васильевич. Ну, это коллекционер. Известный. Правда, рискованно уж больно, близко ходит он от грани, за которой следуют действия, караемые по статье 88 УК. Ну и, конечно, Гиви Бегишвили. Этот на свободе. Надо искать.

Калугин взял чистый лист бумаги, нарисовал шесть квадратов, написал: «Лимарев». От шести потом нарисовал кружок и написал в нем: «Славский». Соединил квадратики с кружком шестью линиями и поставил большой вопросительный знак.

Сколько времени потребуется, чтобы зачеркнуть его?

Неделя, месяц, год? А может быть, день. И так случается в его профессии. Но пока знак этот стоял.

Верил ли он, майор Калугин, Славскому? Трудно сказать. Как человек он даже тогда сочувствовал этому красивому, весьма неглупому парню, связавшемуся с дельцами. Но как офицер милиции не верил ему. Ни тогда на допросе, ни сегодня, в Зачатьевском... слишком много приходило в этот кабинет людей, гоняющихся за сокровищами «мадам Петуховой». Слишком много.

Деньги развратили их. Легкие деньги. Без счета платимые торгашами и дельцами за старину.

Часы на сейфе щелкнули, как старый курок, и кабинет наполнил невероятной силы звон. Калугин вздрогнул от неожиданности и растерянно посмотрел на бронзовое чудо. Мускулистые мужчины старались на совесть, наполняя комнату медным грохотом.

Распахнулась дверь, и в кабинет влетел начальник отдела Борис Смолин.

– Что это у тебя, Игорь?

Полковник с изумлением посмотрел на часы:

– Чудо чудное, диво дивное.

– Откуда они?

– Вещдок по делу Сергунова.

– Так они же были сломаны.

– А Осипов у нас для чего?

– Умелец. Ему не в сыске работать, а часовщиком на Неглинке.

– Ну, это ты, Борис, напрасно. Он паренек старательный.

– Слишком. Видимо, вчера он дежурил и починил этого монстра. Ну, как дела в особой группе?

– Кража лихая. Взяли Лимарева.

Смолин присвистнул:

– А еще что?

– Дальше мелочи. Ковку, плитку расписную, каминный экран. Главное – Лимарев.

– Ну-с, и какие у тебя суждения на этот счет? – Смолин встал, подошел к окну, забарабанил пальцами по стеклу.

– Свидетелем по делу проходит Славский.

– Сергей? Наш бородатый красавец? Ты думаешь, он?

– Не исключая.

– Не похоже. После освобождения окончил институт, работает, ни по каким делам не проходит.

– Знаешь, конь леченый, вор прощенный...

– Да, это так. Я помню, как он прикрывал Хомутова. Боялся. Мальчиков его боялся.

– Хомутов. А это же идея.

- Его же расстреляли?
- А мальчики?
- Уголовная шпана. Рыбы-прилипалы. Их профессия – разбойные нападения.
- Так в Зачатьевском грабеж. Вульгарный грабеж.
- Тоже правильно, я не подумал.
- Понимаешь, целое выстраивается: Славский и мальчики Хомутова.
- А сбыт?
- Патрушев.
- Пожалуй, это можно использовать как версию. Но учти, Игорь, как одну из версий. А у тебя их должно быть минимум пять.
- Пока одна только. Хочу повидать Шейкмана.
- Куда проще. Пойди в Дом кино, он там в бильярдной крутится каждый день.

Двор Вадиму понравился. Хороший был двор. Настоящий старомосковский. Таких уже мало остается в городе. Приезжают крепкие ребята с кранами и бульдозерами. Разбивают клин-бабой выдавшие виды дома. Выкорчевывают отвалами зелень. Площадку готовят. Для нового сверкающего стеклами архитектурного шедевра с разноцветными лоджиями. И стоит он на пустыре. Одиноко, как солдат на посту. Современный, сверкающий, удобный.

Но только не дом сломали веселые ребята-строители – они под корень выкорчевали кусок старой Москвы. Разрушили нравственный микроклимат. Разорвали десятилетиями налаженные человеческие связи...

Вадим рос в таком дворе. Зеленом, уютном. С десятками закоулков, удобных для мальчишеских игр, с сараями у забора, где жильцы дома, народ трудовой, устраивали мастерские. С волейбольной площадкой, которую для них, пацанов, построили взрослые.

Вернувшись из школы, бежал он на площадку, где дотемна резались в волейбол. Тогда не было призов типа «Кожаный мяч», спортклубов не было, соревнования были. Играли двор на двор, улица на улицу, выбирая чемпиона. Победители ехали в Парк культуры имени Горького, на негласное первенство Москвы. Многого тогда не было. Например, понятия «трудные подростки».

Во дворах были свои порядки, вернувшиеся с работы, стукавшие в домино взрослые внимательно следили за порядком во дворе. Великая сила двор.

А сейчас люди десятилетиями живут в новых домах-красавцах, а своих соседей не знают.

Что и говорить, хороший был двор, и очень он понравился Вадиму. Жизнь в нем текла неспешная, летняя.

Сушилось белье на веревках, сидели у подъезда старушки.

Дом, в котором жил Силин, стоял в глубине. Крепкий дом, четырехэтажный, сложенный из добротного кирпича.

Вадим пошел к нему мимо песочниц, клумбы с цветами, под любопытными взглядами старушек. Он вошел в прохладный подъезд и понял, что ему опять не повезло. Квартира Силина находилась на последнем этаже. А пролеты были здоровые. Но ничего не поделаешь – идти надо.

Изменения формы общественной жизни никак не отразились на настенных надписях подъездов. Все те же извечные «Нина + Коля = любовь» и, конечно, сведение счетов, извечное выяснение, кто же из юных обитателей подъезда дурак.

Дверь 26-й квартиры говорила о том, что в доме этом хозяина нет. Все двери на площадке были аккуратно обиты разноцветными кожаменителями, некоторые даже простеганы золотистой проволокой и украшены похожими на солдатские пуговицы шляпками кнопок. Только из дверей квартиры Силина торчали клочья грязной ваты и разорванная мешковина.

Номера не было. Просто кто-то на деревянной раме мелом написал: 26.

Вадим нажал кнопку звонка. Тихо. Он надавил сильнее. Звонок молчал. Тогда он постучал кулаком в филенку. Постоял, прислушался. В квартире кто-то был.

Вадим отчетливо слышал шум за дверью. Он повернулся спиной и ударил каблуком.

– Иду, иду, – послышался голос в глубине квартиры. Дверь распахнулась. На пороге стояла пожилая женщина с мокрым распаренным лицом. Она устало провела тыльной стороной ладони по мокрому лбу и спросила ровным, без интонаций голосом: – Вы к кому?

– Силин Петр Семенович здесь живет?

Женщина посмотрела на Вадима и так же равнодушно спросила:

– А вы кто?

– Вы, видимо, его жена, Мария Петровна?

– Да.

Она даже не удивилась, откуда этот незнакомый человек знает ее имя.

– Вы, наверное, из милиции?

– Да.

– Проходите. – Женщина устало посторонилась, открывая дорогу.

В квартире пахло стиральным порошком и мокрым бельем. Коридор был пуст, только на стене висел старенький велосипед без колес.

– Проходите в комнату.

В этой квартире поселилась нужда. Это было видно по табуреткам, заменяющим стулья, по мебели, которую кто-то, видимо, выкинул за ненадобностью, а она прижилась в этой квартире.

Но все же люди жили здесь хозяйственные. Комната была чистой, на шатком столе в стеклянной банке стояли желтые цветы, которые в изобилии растут на пустырях, названия их Вадим не помнил.

Хозяйка обмахнула тряпкой табуретку.

– Садитесь.

Она сама опустилась на стул, внимательно глядя на Вадима.

– Вы кто же будете?

– Я из Управления внутренних дел.

– Это как же, не из милиции, значит?

– Из милиции. Я работаю в уголовном розыске.

– В розыске, – Мария Петровна замолчала, осознавая незнакомое слово, – в розыске...

– Да, Мария Петровна, в уголовном розыске, – повторил Вадим. – Фамилия моя Орлов, зовут Вадим Николаевич. – Он полез за удостоверением.

– Да не надо мне вашей книжечки, я в них ничего не понимаю. Я вам и так верю. Вы из-за мужа или сын чего натворил?

– Мне нужен ваш муж.

– Ну, слава богу, а то я за Мишку, сына, душой извелась, вдруг, как отец, таким же станет. – Она провела рукой по глазам.

В комнате, залитой ярким солнечным светом, она уже не казалась пожилой. Просто нелегкая жизнь и заботы состарили ее.

«Ей не больше сорока пяти», – подумал Вадим.

– Что смотрите, старая? А какие мне года, – Силина улыбнулась печально, – мне тридцать девять всего. Всю жизнь мне этот алкаш поломал. Одна радость – сын. Вон, видите, телевизор собрал.

На тумбочке стоял экран. Просто один маленький экран от старого аппарата КВН. Он, словно глаз, смотрел на Вадима уверенно и гордо. Панель с лампами и хитросплетение проводов устроились на подоконнике.

– Он у меня в ПТУ учится, руки золотые. Это, правда, в отца. У того тоже руки были. Они и погубили его. Мы как поженились, он выпивал, конечно, по праздникам или гости когда. Но все культурно, тихо, никаких безобразий. Он на механическом работал. Мастером-наладчиком. Зарабатывал хорошо. Все умел. Так к нему начали люди из дома приходиться. Мол, почини, Петя, электричество, велосипед, даже мотоцикл. Он все делал. Так ему кто деньгами давал, а кто бутылку ставил. Начал попивать. Дружки появились. Мы тогда на улице Москвина жили. А тут сын родился. Я думала, остепенится, самостоятельным Петя станет. С работы выгнали. Он начал по разным местам халтурить. Из дома вещи красть. Я поменяться решила. Выменяла эту квартиру с доплатой. Та у нас больше была. Думала, переедем, дружков старых забудет. Нет, не забыл. Пить еще больше стал. Подрался, сел на год за хулиганку. Вернулся, ну совсем никакой возможности не стало. Бил меня, из дома все пропил. Я на работу ушла, а он мебель вывез. Участковый у нас тогда был. Хороший человек, душевный...

– А что, новый участковый хуже? – спросил Вадим.

– Да нет, – вздохнула Силина, – он человек молодой, строгий, конечно, только Степан Андреевич лучше был, душевнее. Он его на лечение определил. Я к нему в этот ЛТП ездила, посылки передавала. Он говорил мне: все, Маша, заживем как люди. Он там работал.

Вадим слушал горький рассказ Силиной, замечая, что она ни разу не назвала мужа по имени. Для нее Силин стал совершенно чужим человеком, о котором говорят безлично.

– Работал, значит. Нам деньги присылал. Я думала, наладится все. Купили кое-чего, шифоньер, диван раздвижной, телевизор взяли в рассрочку. Он вернулся, полгода работал, жили хорошо. Сына одели, себе кое-чего справили. Только недолго все это было. Опять запил. Опять из дома все вывез и пропил. Я теперь с ним развелась. В этой комнате я с Мишей, а в той – он.

– Можно посмотреть?

– Смотрите, пожалуйста.

Комната Силина была совершенно пустой. Старый матрас на полу. На нем рваное одеяло и подушка с засаленной наволочкой. Пустая консервная банка, полная окурков, на полу. Под потолком лампочка без абажура.

– Вот так и живет, ни стыда, ни совести. Хоть бы людей постеснялся. Утром хлеб на кухне ворует, – вздохнула женщина.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Ночью, два дня назад. Пришел часов в двенадцать, покрутился на кухне, в коридоре и ушел. Я утром встала, а колес на Мишином велосипеде нет. Украл да пропил, видно.

«Следы велосипедных колес, – вспомнил Вадим слова Фомина, – ну конечно, на тележке были велосипедные колеса».

– Мария Петровна, – Орлов повернулся к женщине, – с кем дружит ваш муж?

– Пьет с кем?

– Пускай так, но чаще всего?

– С Борькой Ликуновым. Они его Доктор зовут, он раньше санитаром в дурдоме работал, с Андреем, фамилию, правда, не знаю, а кличут они его Лю-Лю. Да они у магазина сейчас на Кропоткинской крутятся, подшибают на бормотуху.

– Спасибо. До свидания. Если Силин появится, вы не говорите, что я приходил.

– А что, он опять подрался или хуже?

– Хуже.

– Довела водка, довела. Пропал человек.

Кабинет Фомина был узкий, как щель. Он образовался в результате ведомственных «революционных» ситуаций, когда почти ежегодно создавались новые службы и направления, сливались и дробились отделы. По замыслу одного из реформаторов в этой комнате хотели

разместить какую-то автомеханизированную картотеку. Но необходимость в ней отпала, и бывший начальник отдела по особо тяжким преступлениям сказал:

– Я в этот кабинет Фомина посажу. Он лучше любой картотеки.

Фомин привык все делать серьезно и обстоятельно.

Он сам привел комнату в порядок, добившись чисто военного аскетизма. Стол, три стула, сейф. На столе портрет Дзержинского, карта Москвы с понятными только хозяину кабинета пометками. Единственным украшением кабинета была приклеенная над столом старая литография картины «Сталин и Ворошилов на прогулке».

Войдя в кабинет, Фомин открыл окно, достал из ящика письменного стола обрезанную гильзу от снаряда, заменяющую пепельницу.

– Курите.

Крылов и Стрельцов достали сигареты.

– Так, – сказал Фомин, – как будем действовать?

– Я, товарищ подполковник, – Крылов достал из кармана записную книжку, – уже обошел четыре прачечных.

– Так... – Фомин достал из мятой пачки сигарету «Прима», аккуратно разломал пополам, вставил в мундштук. – Это, конечно, хорошо, Крылов, что ты не поленился и обошел, но мы так действовать не будем.

Фомин открыл ящик стола, достал телефонный справочник Москвы.

– Пошив и ремонт... Пошив и ремонт... Ага... Вот они. Прачечные. Все в порядке. Страницы 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364. Ясно?

– Пока нет, – сказал Стрельцов.

Он, как работник МУРа, меньше робел перед Фоминым.

– Сейчас поймете. Ты, Стрельцов, берешь пять страниц, с 355-й по 359-ю, а ты, Крылов, остальные пять. И начинайте звонить.

Стрельцов взял справочник.

– Павел Степанович, так на каждой странице по сорок два телефона. Всего двести десять.

– Ну? – невозмутимо ответил Фомин.

– Это же.

– Это работа, лейтенант Стрельцов. Надо будет, все двести десять пешком обойдем. Ты, Крылов, гость, садись на мое место и звони, а ты, Стрельцов, иди к себе. Начальнику отдела, если позвонит, скажешь, что я пошел с человеком одним повидаться, узнать кое-чего.

– Павел Степанович, – Стрельцов умоляюще посмотрел на Фомина, – у вас есть какие-то соображения, свои. Вы нам скажите, а то чего втемную работать.

– А зачем втемную? Я не знахарь, у меня секретов особых нет. Я говорил, что дело наше напоминает ограбление дачи академика Муравьева. Так вот, я в архив пойду, к Губину Степану Алексеевичу, посмотрю оперативные документы да с ним самим пошепчусь. Губин много чего умного подсказать может, он еще с самим Даниловым работал. Вот такие мои соображения.

Фомин вышел, а Крылов с тоской поднял телефонную трубку.

– Это прачечная? Вас из Московского уголовного розыска беспокоят.

Народу в магазине было немного, только у винного отдела стояла очередь, человек семь.

Вадим сразу же заметил в углу двоих, тщательно подсчитывающих мелочь. Заметная была эта пара. Таких в любом магазине встретишь. Потертые жизнью. Потраченные, опухшие, с жадными просящими глазами. Вот и сейчас набирали они мелочь и серебро на бутылку дешевого гадкого суррогата, почему-то называемого портвейном.

Вадим подошел:

– Здорово, мужики.

– Здорово, – с опаской и надеждой ответил тот, что постарше, в вытертых до зеркального блеска старых, обтрепанных брюках, в грязноватой армейской рубашке.

– Вы Хоттабыча не видели?

– Нет, – ответил второй. Под глазом у него густо налился свежий синяк.

– А где мне его найти?

– Слышь, мужик, – с надеждой спросил персонаж в армейской рубашке, – будь человеком, добавь.

Он протянул Вадиму трясущуюся ладонь, на которой лежала гора мелочи.

– Сколько?

– Полтинник. Мы тогда две плодово-ягодные сообразим. Хочешь, тебе нальем?

Вадим достал мелочь.

– На.

– А зачем тебе Хоттабыч?

– Достать обещал одну вещь.

– Ты во двор выйди, там Доктор и Лю-лю ждут, они его знают.

– А где они?

– Да вон, на ящиках.

– Ладно.

Человек исчез и немедленно возник первым в очереди.

Двор магазина был завален ящиками. Штабеля тары поднимались почти до окон бельэтажа жилого дома. Ящики здесь лежали давно. Минимум с весны. Они почернели, потрескались, развалились. Их было так много, что в хаотическом нагромождении уже образовались улицы, переулки, тупики. В них велась своя жизнь, Здесь пили водку и дрались. Здесь пьяницы прятались от участкового и жен. Здесь формировались «летучие отряды» грузчиков-любителей, готовых за бутылку разгрузить машину с товаром. Это была не просто свалка ящиков. Это был город. Со своими законами. Со своим населением.

У его ворот сидели двое. Они были удивительно похожи. Оба в старых застиранных джинсах и рубашках с короткими рукавами, которые чудом не разорвались на их оплывших огромных плечах.

Вадим подошел, оглядел их. Они были разные, но вместе с тем очень похожие. Оплывшие лица, мутные злые глаза, выражавшие полное безразличие к происходящему.

– Тебе чего, мужик? – спросил один и встал.

Был он одного роста с Вадимом. Но казался больше, массивнее, живот вываливался за ремень.

– Ты Доктор? – спросил Вадим.

– Ну.

– Хоттабыч мне нужен.

– А зачем он тебе? – спросил второй.

– Нужен.

– А чего ты к нам пришел? – Доктор оценивающе поглядел на Вадима.

– Обещал он мне кое-что. – Вадим достал сигареты, протянул.

– Фирма. Рупь с полтиной. – Доктор вытащил две. – Богато живешь, мужик. Так зачем тебе Хоттабыч?

– Я же говорю, обещал кое-что. Договорились сегодня здесь увидеться. Я его жду, жду. Слушай, Доктор, давай пивка организуем.

– Несолидно. От пива, если его одно пить, вполне изжога может появиться.

– А кто сказал одно? – Вадим достал из кармана десятку и заметил, как пропало, исчезло с лица Доктора выражение сонной лени и глаза стали прицельно-острыми и как Лю-Лю вскочил с ящика, словно подкинутый.

– Похмелиться хочешь? – спросил Лю-Лю.

– Вроде того.

– Перебрал вчера?

– Было.

– А по тебе не видно, – поставил диагноз Доктор.

– Давно не пил.

– Зашитый? – с интересом спросил Лю-Лю.

– Вроде того.

– Понимаю. Я и сам когда-то...

– Кончай мемуары, тоже мне ветеран, – приказал Доктор. – Иди возьми пива, бутылку и огнетушитель. Тебе водку, – повернулся он к Вадиму, – лучше пока не пить. Ты красненьким освежись. Оно осадку дает. Ну а потом уж и к беленькой переходи.

– А пить здесь будем?

– Нет, на даче освежимся. Пошли. Лю-Лю туда придет.

Они пошли мимо ящиков, пролезли в щель забора.

Перед Вадимом раскрылась анатомия закоулков, лазов, проходных дворов. Миновав узкую щель между двумя домами, они вышли на заросший зеленью пустырь, рядом со старой монастырской стеной, миновали кусты акации и оказались на пятачке, закрытом от посторонних глаз. Но это была не просто жухлая городская полянка – это был остров счастья, на который городской прибой выплескивал вот таких, как Доктор и Лю-Лю, людей.

Здесь было все: стол дощатый, ящики, заменявшие стулья, и даже из стены торчал обренок водопроводной трубы с краном. А главное, здесь было чисто: ни бумажек, ни бутылок, ни окурков. К стволу дерева чьи-то руки прибили красивую жестянку от югославской ветчины.

– Ну как? – спросил Доктор.

– Хорошо. И порядок здесь.

– Это нам как дом, а в доме порядок должен быть.

Продолжая удивлять гостя, Доктор вынул из стены кирпич и извлек из ниши три стакана, кусок мыла и коробку с зубным порошком. Он вымыл руки. Потом плеснул в стаканы немного воды и протер их порошком, стаканы хрустально заблестели.

– Чистоту люблю, – пояснил Доктор, вынул из кармана «Вечерку», расстелил на столе. – Вот и скатерть-самобранка наша.

Вадим сел на ящик, огляделся. Неплохое нашли они место для своего «клуба». Стены монастыря, глухие стены домов, деревья надежно закрывали это прибежище от посторонних глаз. А сколько таких горьких мужицких клубов разбросано по Москве. И находят в них утешение алкаши и просто работяги, собравшиеся поспорить о футболе, мужья, поругавшиеся с женами.

А ведь когда-то стояли на углах улиц павильоны «Пиво-Воды». Собирался там народ степенный, спорили о победе наших футболистов в Англии, взвешивали шансы Хомича и Боброва, судачили о дворовых новостях. Пили пиво, жевали бутерброды и шли по домам.

Тихо, степенно, без скандалов. Кому это помешало? А теперь после работы человек идет в эти щели и пьет портвейн, потому что за пивом побегать надо.

Лю-Лю возник стремительно. Подмигнул Вадиму и начал расставлять на газете бутылки и закусь.

Стала посередине поллитровка из зеленого стекла, рядом с ней пиво, над ними возвышался портвейн с экзотической надписью «Кавказ».

Ловкими пальцами Лю-Лю разложил колбаску одесскую, порезанную, сырки плавленые, редисочку, даже помидоры сумел достать.

– Ну, как стол? – спросил он.

Вадим восторженно развел руками. Тогда Лю-Лю вытащил из кармана воблу и победно посмотрел на них.

– Класс, – сказал Доктор и крепкими пальцами сорвал фольгу с водочной головки. Потом зубами открыл пивные бутылки и выдернул пробку из портвейна. – Ну, поехали, – сказал он.

– Со знакомством, – добавил Лю-Лю.

– Чтоб не в последний, – ответил Вадим.

Выпили и начали закусывать. Хрустели редиской, ломали пополам помидоры.

– Давай твою фирму, – сказал, отдуваясь, Доктор.

Вадим достал сигареты. Закурили. Помолчали.

– Тебя как зовут-то, а то мужик ты вроде наш, леченный, а имени твоего не знаем.

– Вадим.

– А меня Борис, а вон его – Лю-Лю, Сережа. Ты где работаешь?

– В кино.

– Кем? – спросил Лю-Лю-Сережа.

– Сценаристом.

– Хорошее дело, я тоже работал на научно-популярной студии осветителем. В ассистенты оператора должен был переходить, да вот... – Лю-Лю-Сережа махнул рукой. – Запил.

– Тоже мне Эдуард Тиссе, – Доктор-Боря блеснул кинематографической эрудицией, – таскал бы ящики за оператором и получал сотню. А сейчас мы волонтеры. Свободные грузчики. Свою десятку в день имеем и на воздухе.

– Да разве в этом дело? – Лицо Лю-Лю-Сережи стало печальным.

– А в чем? – поинтересовался Доктор-Боря. – В чем? Я про нашу жизнь так понимаю. Раз не нашло общество применения моей физической силе ума, то я деклассировался. Точно? – Он хлопнул Вадима по плечу.

– Это как сказать.

Доктор разлил по новой.

– Спор наш философский, просто так его закончить нельзя. Поехали.

Они «поехали» опять. Вадим, мысленно матерясь, глотал сладковато-противный портвейн. Он уже и не помнил, когда ему приходилось пить такую гадость. Доктор понял его по своему.

– Тяжело идет с отвычки?

Вадим, жуя колбасу, кивнул.

– Так всегда бывает после лечения. Ты это дело брось. Пей, живи, а остальное не бери в голову. Копейка понадобится – приходи в артель, возьмем.

– А Хотгабыч тоже в вашей артели был?

– Нет. Он рукастый. Из домоуправления слесаря не дозовешься, а он пожалуйста. Ему люди платят.

– Подвел он меня.

– Как так? – Доктор начал пьянеть, лицо его побордовело, речь замедлилась.

– Обещал достать плитку керамическую, узорную. Мне она зачем? Я ее для человека доставал. Нужного. Он мне работу дает.

– Вот падла. Трепач паршивый. Ты слышишь, Сережа, такого человека подвел.

– Видел я у него эту плитку, – сказал Лю-Лю-Сережа, – видел. Он, видать, с нее и загулял. Ты вот что, Вадим, поезжай на Пушкинскую, в бар. Он, когда при деньгах, там гуляет с друзьями. Он же жил там. Спроси Батона или Тараса, он с ними...

Лю-Лю-Сережа не успел договорить. Раздвинулись кусты акации, и появился лейтенант Гусельщиков.

– Так, граждане Бондаренко и Крайнев, вы.

И тут он увидел Орлова и замолк. Удивление и гнев отразились на румянном лице лейтенанта. Он осуждающе покрутил головой и ушел.

– Явление участкового тунейдцам, картина неизвестного художника, – сказал Доктор, – чего это он, а?

– Не знаю, – сказал Лю-Лю, – видать, застыдился, что отдых наш нарушил.

– Смешно, – Доктор взял бутылку с портвейном, – а у тебя осталось, Вадик. Не возражаешь? – Он разлил остатки вина по стаканам.

Вестибюль Союза кинематографистов был прохладен и пуст. Только у журнального киоска толпилось несколько человек. Калугин часто заезжал сюда. Здесь можно было приобрести книги издательства «Искусство». Особенно он любил мемуары. Воспоминания старых режиссеров, операторов, сценаристов о давно снятых фильмах, об актерах, чьи имена незаслуженно забыли. Но такой уж мир – кинематограф. Он живет сегодняшним днем. После школы Калугин поступал в Институт кинематографии. Он хотел стать режиссером. В мальчишеских грезах он видел необыкновенные конструкции декораций будущего фильма. Рисовал их. Врожденные скованность, застенчивость не позволили ему разыграть этюд. Набравший курс известный режиссер обнял его за плечи, отвел в угол комнаты и сказал:

– Приходите на следующий год, только снимите с себя обручи страха и стеснения. Наша профессия предполагает внутреннюю свободу, без нее нет режиссера.

Калугин вышел из института, пошел на ВДНХ и долго сидел на лавочке. Он точно знал, что обручи ему с себя не снять.

Он рос в скучном и чопорном доме и с малолетства стал рабом условностей, впитал в себя определенные понятия о приличиях. Отец, занимавший высокий пост, дома практически не бывал, и всем руководила мать.

Откуда, из какой провинциальной тьмы она вынесла свое ханжество и невежество, прикрытое фразами о непогрешимости старших, Калугин не знал, но жизнь она ему испортила.

Игорь не стал поступать в институт на следующий год. Там, на ВДНХ, он понял, что сейчас нужно вырваться из дома, от материнских нравоучений, из обставленных дорогой мебелью комнат, из дачного поселка, при въезде в который висел «кирпич».

Он пошел в военкомат и попросил забрать его в армию. Три года Калугин прослужил на границе с Ираном. Получил пограничные знаки и медаль «За отличие в охране государственной границы». Вернувшись домой, устроился работать в Останкинский музей, потом поступил на искусствоведческий факультет МГУ. Через два года женился на однокурснице Нине и ушел из дома от надоевших нравоучений матери.

После окончания университета Игорь Калугин опять вернулся в Останкинский музей, но проработал в нем всего полгода. Его вызвали в горком комсомола и предложили пойти на работу в милицию. Ему так и сказали: «Изучать искусство – прекрасно. Но сегодня его нужно и охранять». Он согласился. Окончил школу подготовки в Риге и стал оперуполномоченным Московского уголовного розыска. Шли годы. Он получал новые звания, из оперуполномоченного перекрестился в инспектора, но старая привязанность к кино с каждым годом становилась все крепче и крепче. Игорь выписывал киножурналы, покупал книги. Девочки в киоске его знали и оставляли новинки. Им нравился вежливый киновед, тем более что Калугин доставал им «Искатель», издание крайне дефицитное.

Когда он подошел к киоску, одна из продавщиц, Элла, поманила его рукой.

– Как вы давно не заходили, Игорь Владимирович, я уж думала, что вы нас совсем забыли. Я вам оставила Габриловича, «Вестерн. Эволюция жанра»...

– Карцевой?

– Да, и «Зарубежный кинодетектив».

– Спасибо вам, Эллочка. – Калугин положил на прилавок сверток. – А это вам «Искатели» и «Подвиг».

– Ой, вы меня просто спасли. Папа уезжает отдыхать и требует легкого чтения.

– Приключения, Эллочка, не всегда легкое чтение.

– Так уж говорят.

– И то верно, – Калугин взял аккуратно завернутые книги, – счастливо вам.

В нижнем подвальном этаже Дома кино расположились бильярдная, бар и кафе. Двери в бильярдную были закрыты, сквозь плотные шторы пробивалась узкая полоска света. Бар еще не открыли, а из дверей кафе доносились голоса.

Калугин понял, что приехал сюда напрасно. Он подошел к дверям кафе, заглянул. В полупустом зале сидело всего несколько человек. В углу он увидел Славского, одного. На столике перед ним стоял графинчик, несколько пустых салатниц и чашка с кофе. Художник поднял голову и насмешливо посмотрел на Калугина. Игорь подошел и сел на свободный стул.

– Не совсем вежливо, но делаю скидку на вашу работу. Коньяка хотите?

– Я за рулем.

– Значит, и вы боитесь ГАИ, как и мы, грешные.

– Значительно больше.

– А где же цеховая солидарность?

Калугин развел руками и достал сигарету. Славский чиркнул зажигалкой. Спокойно, без тени услужливости.

– Надеюсь, вы не из-за меня приехали сюда?

– Нет. Я ищу другого человека.

– Кого же, если не секрет?

Калугин помолчал, думая, сказать ему или нет.

– Я облегчу вашу задачу. Из тех, кем интересуется ваша фирма, здесь бывают только Шейкман, Буров, Лапинский и я. Правильно? – В светлых глазах Славского плясали веселые искры.

– Правильно. Я ищу Шейкмана.

– Лазарь завязал с этим. Давно. Он работает на «Мосфильме», ассистентом. Кончил курсы. Скоро станет вторым режиссером. Сейчас он в экспедиции.

– Я рад за него.

– Ой ли?

– Действительно рад.

– А за меня? – Славский достал сигарету. – За меня вы не рады? А то давайте порадуемся вместе.

– В вас говорит злость, Сергей. Не я был виноват в ваших неприятностях. Не я. Вы сами решили так жить.

– А что же я делал плохого? – В голосе Славского послышалась злость. – Что? Мне принесли вещи, я их реставрировал.

– Это были краденые вещи, и вы, как художник, прекрасно знали это.

– Предположим.

– А нечего предполагать, Сергей. Зачем? Вы вступили в конфликт с законом и понесли наказание.

– Теперь вы хотите пришить мне кражу Лимарева?

– Я ничего не хочу, но поставьте себя на мое место...

– Нет уж, увольте, – перебил Калугина Славский, – я ни на одну секунду не хочу быть на вашем месте.

– Так я продолжу. Исчезает Лимарев, а вы отвечаете за его сохранность.

– Неужели я такой дурак, дорогой мой капитан.

– С вашего позволения, майор.

– Тем более.

– Но я не кончил, – жестко сказал Калугин, – я не говорю о том, что вы украли. И не подозреваю вас, я просто думаю о совпадении.

Славский встал.

– Ишь ты, совпадение. Для вас кража медальонов обычная работа, а для меня горе, дорогой майор, а для меня. – Он помолчал, затаился глубоко, посмотрел на Калугина. – Для меня это крушение надежд.

– Не понимаю.

– Когда еще мне доверят реставрацию музейной экспозиции? Не церкви, не картинок и икон у жуковатых коллекционеров, а экспозиции. Причем художника открытого, найденного. Вы понимаете, о чем я говорю? На Лимареве я сделал бы имя. Да и не только имя. Главное, что я сам увлекаюсь эмалью. – Славский махнул рукой. – Кстати, передайте вашему шефу, что я хотел нарисовать ночь, машину и женщину. Он спросил почему. Тогда я не вспомнил.

Сигареты.

– Какие сигареты?

– Могэ, американские дамские сигареты, длинные темно-коричневые сигареты, я видел окурки.

– Их может курить мужчина.

– Может. Но у меня возникли ассоциации именно с женщиной.

Славский пошел к выходу, а Калугин остался сидеть за столом. Потом он встал, подошел к стойке и заказал большую чашку кофе и мясной салат.

Телефон Фомина был наглухо занят. После получаса бесполезных попыток Вадим сказал Симакову:

– Позвони дежурному, пусть остановит этот поток красноречия.

– А может, у Фомина роман?

Вадим усмехнулся. Он представил подполковника с цветами в руках, ожидающего даму у памятника Пушкину.

– Не думаю. Видимо, у него телефонный роман с прачечными.

Он взял заварной чайник, налил себе в стакан коричневой, почти черной, настоявшейся жидкости.

– Какая же гадость этот портвейн.

– На любителя. – Симаков положил руку на телефон. – А может, я с вами поеду, Вадим Николаевич?

– Нет. У тебя и так дел хватает. Устанавливай машину.

– Я уже взял сводку по всем угонам и краже колес.

– Думаешь, угнанная?

– А кто на своей поедет на такое дело?

– Колеса – это теплее. На краденой на дело...

– А почему? Взяли ночью. Номер переставили, отъехали в переулок, перегрузили и бросили угнанную машину.

– Гадать мы можем до бесконечности. Поэтому, Симаков, работай. Я поехал в бар на Пушкинскую, а ты туда вызови Фомина.

У Никитских Ворот на ветровое стекло машины упала первая капля дождя. У здания МХАТа дождь уже набирал силу, а когда подъехали к Советской площади, на улицах стояла сплошная стена воды.

Автомобили, словно катера, неслись по улице Горького, поднимая колесами столбы воды.

Шофер развернулся у телеграфа, свернул в Столешников переулок и остановился у арки.

Вадим увидел Фомина и Стрельцова, кутивших в глубине. Он вылез. И сразу же двое молодых ребят бросились к машине.

– Шеф! – заорали они. – Добрось до Кировской. Трешник.

Вадим увидел стройную девушку, прячущуюся от дождя, и понял истоки их щедрости.

Фомин, бросив сигарету, подошел к нему.

– Установили?

– Почти. Он должен здесь пить с Тарасом или Батоном. Так в миру именуют его дружков.

– Пойдемте, – сказал Стрельцов, – здесь служебный ход есть.

Вадим толкнул обитую железом дверь, и она поддалась. В лицо ударил запах застоявшегося пива. Они спустились по скользким ступенькам и оказались в узеньком коридоре.

– Куда?! Ишь алкашня... – Навстречу им вылетел человек в грязно-белой куртке, из-под которой выглядывал воротник несвежей рубашки. – Повಾದились. Ну, валите отсюда, а то в милицию позвоню.

– Не надо, – сказал Вадим.

– Че-го? – переспросил человек.

– Пить на работе не надо.

– А ты мне подносил? Сейчас устрою в отделение.

– Мы из милиции. – Орлов достал удостоверение.

Человек икнул, шагнул назад, лицо его расплылось в подобие улыбки.

– Сейчас пивка организую свежего.

– Не надо. – Вадим отстранил его, и они прошли в зал.

Табачный дым, похожий на облако, медленно полз над островами столов. Дымили все, несмотря на устрашающую надпись «У нас не курят».

Звон кружек, обрывки разговоров, чьи-то выкрики сливались в однообразный непрекращающийся шум.

– Где ж его искать-то? – спросил Стрельцов, вопросительно глядя на Вадима.

– Сейчас. – Орлов обернулся, тот самый официант стоял за его спиной. – Можно вас?

Официант бочком, стараясь не задеть инспекторов, приблизился к Вадиму.

– Креветочки есть крупные, – доверительно сообщил он и даже зажмурился от удовольствия.

– Это потом. Вы здесь давно работаете?

– Лет десять. Я летать не люблю. У меня грамота.

– Прекрасно. Я хотел бы кое о чем спросить вас.

Официант изобразил на своем лице внимание.

– Так вот, – продолжал Вадим, – коль скоро вы здешний ветеран, то наверняка знаете местных завсегдаев.

– Так вы не из ОБХСС, – с облегчением сказал официант, – я многих знаю. Многих. Кто такие?

– Тарас и Батон.

– Пьянь. Целыми днями здесь торчат.

– А сегодня?

– Здесь. Сначала пили, потом начали в железку играть. Второй день гуляют. Деньги завелись.

– Где они?

– А вон за тем столом.

В углу сидела компания. Пять человек здоровых мужиков.

– А вы Хоттабыча не знаете? – спросил Вадим.

– Там он, в углу.

– Вы здесь постоитте, дорогой ветеран. – Вадим пошел к столу.

За уставленным кружками столом разливали водку.

– Слушай, сука, я петь буду, – толкал соседа в грудь человек с усиками и изможденным лицом, – решай.

– Погоди. Выпей лучше. Я заряжаю. Три первых, – сказал его сосед, здоровый детина, и протянул над столом сжатый кулак.

Силин сидел в углу, он был давно и тяжело пьян.

– Петя, – Вадим подошел к столу, – можно тебя на минутку? Дело есть.

На мгновение глаза Силина стали осмысленными.

– А-а... дру-жок... Ты ко мне... Садись... Налью.

– Потом, Петя. Я с тобой насчет ремонта поговорить хотел.

– Ты кто? – Из-за стола поднялся кряжистый человек в темной рубашке, расстегнутой почти до пояса. – Тебе чего?

– Кончай, Тарас, – сказал Силин, – человек по делу.

– Пусть нам отдыхать не мешают. Ты, мужик, иди. Делай ногами походку.

Вадим посмотрел на его подбородок. Открытый, созданный для удара. Ох как хотелось ему рубануть с правой этого Тараса!

– Я ж насчет ремонта, – сказал он спокойно, – мы с Петром сговаривались.

И тут он увидел глаза человека, собиравшего со стола выигранные мятые рубли. Человек глядел на Вадима внимательно и настороженно. Он был самым трезвым из этой пятерки.

А пьяный Тарас продолжал напирать грудью, говоря что-то бессвязное и угрожающее.

Вадиму надоело это лицо, опухшее и бессмысленное, надоел запах алкоголя, которым Тарас дышал на него, все надоело. А самое главное – противно было пятиться от обалдевшего от бормотухи алкаша. Он взял его за руку, сжал, глядя, как начинает отливаться краска от лица Тараса, и резко толкнул на длинную лавку, стоявшую у стола.

– Отдохни, – усмехнулся Вадим, – так что, Петя?

– Пошли, поговорим, раз я сказал – мое слово кремень. – Язык у Силина заплетался, но он встал и достаточно твердо пошел за Вадимом.

В восемнадцать часов вся группа собралась в кабинете у Вадима.

– Давайте, – сказал он, – докладывайте, Симаков. – Вадим открыл блокнот.

Капитан встал, одернул пиджак. Помолчал смущенно, словно студент на экзамене. Вздохнул.

– Ну что, Симаков? Пока ничего?

– Ничего. Проверяем угнанные машины, проверяем заявления о пропаже колес.

– Быстрее обрабатывайте. – Вадим поставил галочку рядом со словом «автомобили». – Что у вас, Игорь?

Калугин встал, достал листок бумаги.

– Пока очень мало, практически ничего. Но думаю, что Славский и Шейкман к краже отношения не имеют.

– Думаете или уверены?

– Уверен.

Вадим зачеркнул две фамилии.

– Что еще?

– Славский считает, что в краже участвовала женщина.

– Почему?

– Окурки от американских дамских сигарет More.

– Примем как версию. Коллекционеры?

– Говорил с Алдохиным и Лазаревичем, считают, что вряд ли кто купит эти вещи. Слишком большой риск. Сегодня вечером встречусь еще с двумя. Один из них Патрушев.

– Так. – Вадим замолчал. Постучал карандашом по столу. – Фомин. Прошлись по всем прачечным. Такого номера нет.

– Я уже докладывал, что следы больно похожи на кражу у академика Муравьева. Посмотрел дело. Усков и Старухин еще отбывают срок. Но вот что я нашел. По делу проходил Кудин Олег Дмитриевич, кличка Чума, против него дело прекратили за недоказанность. Косвенные улики были, но жиденские очень.

– Где Кудин сейчас?

– В Москве. Прописан по адресу: Грузинский Вал, дом 143, квартира 18. Мать сказала, что дома он не живет. Заходит иногда.

– Работает?

– С последней работы уволился три месяца назад.

– Где работал?

– В пятом таксомоторном парке.

– Не узнаю вас, Павел Степанович, не узнаю. – Вадим улыбнулся.

– Так, Вадим Николаевич, времени немного. Завтра к утру я этого Чуму раздобуду.

– Как? Если не секрет, Павел Степанович, расскажите.

– Да просто. Живет он у какой-нибудь девицы. Кудин парень видный, модный. Тут я поговорил кое с кем, он вечерами любит время в загородных ресторанах проводить. Такой уж у него образ жизни.

– А если у него денег нет? – спросил Калугин.

– У них, значит, как нет денег, к друзьям пристроятся, погуляют, потом как появятся – ответит.

– Какая-то у нас жизнь веселая начинается: пьем на пустырях, пивные посещаем, сейчас ресторан намечается.

– Что делать, – вмешался в разговор Стрельцов, – наши клиенты не ходят в филармонию.

– Это точно, но я не поверю, Павел Степанович, что у вас нет в запасе чего-нибудь еще, – сказал Орлов.

– Есть, конечно, зацепочка, есть. Диспетчер из пятого парка, славная девушка, вспомнила, что Кудину несколько раз звонила женщина и даже телефон оставила. Они его записали, но не помнят где, ищут, одним словом.

– Вот это дело. Это уже горячо. Если не найдут телефон, опросите водителей.

– Инспектор Крылов в таксопарке.

– Ну что же, пока основания для радости нет. Но и унывать нечего. Без недостатков строят только воздушные замки.

Орлов встал, подошел к окну, присел на подоконник.

– Силина мы взяли, в том, что он причастен к краже, сомнений нет, – продолжал он, – спит он уже больше часа, как очухается, мы с ним поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.